

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

12/2020

В номере:

«Так и живём, каждый себе — спаситель»

Предновогодье — время размышлений, мечтаний, ностальгии, суеверных страхов и слухов, и тогда приходят стихи.

О «несбыточном и настоящем» пишет Сергей ПАГЫН.

«Время петь последние песни», — предполагает Андрей ГРИЦМАН.

Андрей КОРОВИН выносит свой вердикт: «Ты — муравей у вечного огня». Но всех спасет «небесное такси», которое вызвала Анна ПАВЛОВСКАЯ.

Армия зомби

«Отряды зомби идут, идут, волоча ноги и шатаясь, тоже рычат, а кто-то идет и о своем болтает. Я среди них себя чувствую странно: все в масках, один я без маски. ... украинские каменщики, которые, заключив кабальный договор с каким-то хитрым предпринимателем, сбежали от него и мыкались по Эстонии, пока чудом не забрели в Пыргумаа, где их все устраивало, даже ничтожные деньги, которые они почти полностью отсылали домой; беженец из России у нас прятался; тысячи и тысячи, молодые и старые, плохо обутые, плохо одетые, вонючие, забытые, дурные, пьяные, потерянные — шатаются они по Европе, собираются, пристраиваются к группам цыган, образуют свои, тусуются с братьями-славянами, сербами, хорватами и прочими, всех их роднит бездомность — вот их подлинная национальность»; — так в романе «Театр ужасов» прозаик из Эстонии Андрей ИВАНОВ рисует реалии Зомбопарка, в котором пресыщенные богачи с настоящими винтовками по ночам «охотятся на зомби» — одетых в костюмы со спецэффектами людей, оказавшихся на грани выживания.

Образ писателя: литература и жизнь

В рубрике «Культурный слой» ироничный, с посвящением прозаику Олегу ПАВЛОВУ рассказ Афанасия МАМЕДОВА «Дзэн в городе N» о казалось бы дежурной командировке двух московских писателей в провинциальный город и не совсем обычной миссии, которую им пришлось там выполнять, соседствует с письмами самого Олега Павлова к Марку Авербуху — полными драматизма напряженными размышлениями о литературе и жизни, судьбе и долге, счастье и болезни, деньгах и чувстве гордости, о людях и цветах, об истории и политике, о «еврейском вопросе» и проблеме традиции в культуре...

Свет как творческое перо

«Бродский везде видит, выхватывает источники света, разнообразие которых многочисленно, а назначение конкретно: оно усиливает реальность, одушевляя предмет и придавая самой атмосфере метафоричность, причем само название источников — его, можно сказать, марочный бренд: лампа, лампочка, фонарь, реклама, свеча, звезда, луна, подчас усиливающие темноту и даже тьму: “голубые струи реклам бесконечно стекают с крыш”...» — литературовед Елена ТВЕРДИСЛОВА исследует феномен светописа и фотографичности поэзии Иосифа Бродского.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

12'2020

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.10.2020.
Подписано в печать 27.11.2020.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 6995. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей ПАГЫН. Меж несбывшимся и настоящим. <i>Стихи</i>	3
Андрей ИВАНОВ. Театр ужасов. <i>Главы из романа</i>	7
Ирина КРАЕВА. Наша Неонилла. <i>Рассказ</i>	34
Анна ПАВЛОВСКАЯ. Небесное такси. <i>Стихи</i>	47
Борис МИНАЕВ. Площадь Борьбы. <i>Роман. Окончание</i>	50
Андрей ГРИЦМАН. Каждый себе — спаситель. <i>Стихи</i>	101
Владимир САДОВСКИЙ. На крюки своя. <i>Рассказ. С белорусского</i>	104
Макс ФРАЙ. «Мне снилось такое...» <i>Рассказы</i>	110
Ксения КРУШИНСКАЯ. Детка. <i>Рассказ</i>	116
Елена СЕВРЮГИНА. В первый раз родилась. <i>Стихи</i>	129
О.КАМОВ. КПД. <i>Рассказы</i>	132
Андрей КОРОВИН. Ты — муравей у вечного огня. <i>Стихи</i>	151
Алексей ИВАНОВ. Петрович. <i>Рассказ</i>	153

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Афанасий МАМЕДОВ. Дзэн в городе N. <i>Рассказ</i>	161
Олег ПАВЛОВ. Письма Марку. <i>Публикация Лилии Павловой</i>	175

НАЦИЯ И МИР

Наталья РАПОПОРТ. Набережная исцелимых. <i>Хроника венецианского карантина</i>	196
---	-----

КРИТИКА

Елена ТВЕРДИСЛОВА. Свет — тьма — звезда... <i>Коды фотографичности в поэзии Бродского</i>	211
---	-----

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Быть старым китайцем (А.Алёхин. «Свидетель <i>оправдания</i> »)	229
Галина ЗАЙНУЛЛИНА. Отцы и дети: перезагрузка (Б.Ханов. «Развлечения <i>для птиц с подрезанными крыльями</i> »)	231
Дмитрий АРТИС. Стабильная безысходность (Я.-М.Курмангалина. «Спит <i>Вероника</i> »)	236
Александр ЕВСЮКОВ. Книга прощения (Е.Сулес. « <i>Письма к Софи Марсо</i> »)	239
Александр ЧАНЦЕВ. Рейволюция против современного мира (<i>Литературно-художественный альманах «Невидимки», № 2</i>)	242

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Безымянная поэзия	247
--	-----

БЛОГ-ПОСТ

Ольга БРЕЙНИНГЕР. Большие надежды	251
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Личное в общественное	254
---	-----

Годовое содержание журнала «Дружба народов» — 2020	258
---	-----

Сергей Пагын

Меж несбывшимся и настоящим

* * *

Где б ни ходил, ни стоял человек,
он на меже, на границе...
Смотрит в окно и предчувствует снег,
и золотою водицей

долго лицо, не стекая, течёт
между личиной и ликом,
глиной и ветром полночных высот,
между молчаньем и криком.

* * *

Я возвращался в мягкий прах
и в глину, и в траву
в других неявленных мирах,
а в этом я живу.

Быть может, там орал петух
из предрассветной тьмы,
но чуял мой предсмертный слух
вхождение тишины.

Она стояла надо мной
как близкий человек,
как будто с крошечной свечой
родной огромный снег.

А в этом мире шум и зной,
и мнится — жизнь одна...
Но где-то рядом, за спиной,
тот снег и тишина.

Пагын Сергей Анатольевич — поэт. Родился в 1969 году в Молдавии, в г. Единцы. Окончил филфак Бельцкого пединститута. С 2000 года — главный редактор регионального издания «Норд-инфо». Автор пяти книг стихов, в том числе «Перед снегом» (2012) и «Просто жизнь» (2017). Дипломант Международного поэтического конкурса им.Н.С.Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011) и др.

* * *

Становлюсь светлее и прозрачней,
чьим-то лёгким предосенним сном,
пересохшим, выцветшим, чердачным
в небесах летающим окном.

Словно время мне из вен пустили —
и всё дальше глинистая твердь.
И теперь уже не или-или,
а и жизнь, и облако, и смерть.

* * *

По опрокинутой воде
небесного пруда
скользит в осенней пустоте
неведомо куда

ворона тонкая одна...
В длину иль в ширину
неволью меряет она
над нами тишину.

Ни рыб медлительных там нет,
ни трав береговых.
И только свет, и только свет
для мёртвых и живых.

Пугало

Ветер поднимет полы пальто,
дёрнет за рукава —
словно шарахнулся в ужасе кто,
только сбежит едва

прочь от холма, где сухой репей,
серый скелет куста,
от пустырей,
от седых полей,
от своего креста.

* * *

Иногда как будто бестелесно
плотное привычное бытьё...
Человек заглядывает в бездну,
и отходит в страхе от неё.

Яблоко в растерянности тронет
и в осеннем постоит дыму.
И орех морщинистый в ладони
возвратит уверенность ему.

Птичьи звуки явственны и звонки,
мир надёжен...
Только вот беда —
в женщине, растении, ребёнке
проступает бездна иногда.

* * *

Я хочу быть чистым, как трава,
как трава — простым и бессловесным.
Был — и нет...
И только синева
или снег, слетающий отвесно.

Умирать в осенней пустоте,
стать потом не былью скоротечной,
а былинкой светлой в темноте
заселённой заново скворечни.

Снег

Бабушка умирает.
Вздрыгнул свечи огонь —
бабушка подставляет
маленькую ладонь
снегу, в неверном свете
видному только ей,
снегу, что больше смерти,
выше,
нежней,
теплей.

* * *

Мне снился дом, и в нём была беда —
утраты воздух был тяжёл и вязок.
За окнами шла тёмная вода,
и капало в углу в железный тазик.

И женщина сидела у огня,
с руки овчарку серую кормила,
которая смотрела на меня,
и в этом взгляде человечье было

скупое удивленье, словно я
в дрожащем и печальном полусвете —
безмолвный дух, пришлец из бытия
вне жизни истончившейся
и смерти.

* * *

Когда человек выбирает стать тенью,
он слышит печаль однолетних растений
шуршащих зимой на ветру,
он чует дыханье воды под суглинком,
он ходит в прозрачных воздушных ботинках
по снежному с ночи двору.

А мы вызываем к нему костоправа,
а мы предлагаем таблетки и травы,
и водим его по врачам,
к целителям ходим и делимся снами,
гадаем, вздыхаем, а он уж не с нами,
а он далеко уже — там...

Сквозь сердце его пролетает синица,
в его средостенье шиповник ветвится,
он — голос заснеженных трав,
он — воздух заплечный, и зов его тает...
Он сделал свой выбор,
и смерть наступает,
к уходу его опоздав.

Андрей Иванов

Театр ужасов

Главы из романа

* * *

Стояли последние ясные деньки бабьего лета, и я старался чаще выбираться из моего подземелья. Жмуясь, сидел на скамейке, улыбался...

Подолгу сидеть не получалось, меня то и дело отвлекали посыльные от Кустаря, взмысленные и непоседливые. Вздохнув, я поднимался и, бренча ключами, спускался по длинной лестнице в Инструментальную, выдавал инструменты:

— Крестик в графу «художественная мастерская», — они робко ставили крестик. — Имя в графу «ответственный», — они колебались: чье имя?.. мое?.. Ах, нелепые!.. Я помогал наводящими вопросами: — Ну, кто у нас ответственный?.. Кустарь, наверное?.. — они гулко выдыхали «да», писали его имя. — И свою подпись — здесь, вот так. Вернуть не забудьте до конца недели, а то пеню включу, — шутил я, некоторые понимали мой юмор, но чаще не реагировали. — У меня все, как в библиотеке, — говорил я и, покачав головой, спрашивал: — Ну, что там Кустарь опять мастерит?

Никто ничего толком сказать не мог, повторяли одно: «взрыв мозга, реальный взрыв мозга».

Вскоре они совсем перестали говорить, без слов давали мне список необходимых инструментов, я требовал возврата уже выданных, они смотрели стеклянными глазами, как бывает с людьми под каким-нибудь воздействием, после контузии, долгой бомбежки — «взгляд на тысячу миль» — или в сильном ошеломлении, — я склонялся в пользу ошеломления.

Наконец не выдержал, решил сам посмотреть (под предлогом вернуть инструменты и сделать всем выговор), выбрал день посветлей и отправился в парк аттракционов.

Возле гостиницы была суета; визг дрели, работа шлифовального станка и удары молотков. К заляпанным пальцами стеклянным дверям парадного входа приставили позолоченные столбики с бордовыми кистями (кое-где торчат ошметки коричневой оберточной бумаги, в которой они прибыли). Над козырьком появились первые три буквы названия *T A L...*

Иванов Андрей Вячеславович — автор романов «скандинавского цикла»: «Путешествие Ханумана на Лолланд», «Бизар», «Исповедь лунатика». Его книги входили в короткий список Русского Букера, в 2007 году за повесть «Зола» автор был удостоен премии имени Марка Алданова, а в 2013 году — премии Новая словесность («НОС») за роман «Харбинские мотыльки». Его романы переведены на эстонский, финский, немецкий, английский и французский языки. Родился и живет в Таллинне.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 8.

Переваливаясь и покачиваясь, потихоньку вползала наверх светодиодными трубками прошитая, блестящей краской раскрашенная, новенькая буква *L*. Два неуклюжих мужичка в синих комбинезонах подталкивали ее снизу, несмело поднимаясь по лесенкам. Наверху третий, приговаривая «Осторожней... Осторожней...», тянул на себя. Вот буква качнулась сильнее — веревка вздрогнула...

— Осторожней, дебилы! — сипло рявкнула хозяйка (она кричит из окна своего офиса, — не глядя, знаю). — Куда? Держать! — Надрывалась безумная кукушка. — Не роняй! Смотри у меня! Каждая буква сто двадцать пять евро стоит! Уроните — взыщу с каждого!

Спрятав улыбку в носовой платок, я ухожу, пока меня не заметили.

К бару *Holy Gorby* подвел туристов Валентин по прозвищу Косой. В форме советского офицера с плащ-палаткой на плечах, с длинным нескладным зонтиком, он вышагивал с очень важным видом, как если бы не принадлежал поселку и не получал деньги там же, где и все.

— *Meine Damen und Herren, dorth sollen wir gehen! Tufelsrad!*¹ — Валентин зонтиком указал в направлении Чертова колеса, которое блестело в лучах яркого солнца (мимо плыли фигурные облака). Кто-то из гостей сказал, что в их планы не входили аттракционы. — Мы не будем кататься, — заверил их Косой. — К тому же оно нерабочее. Но идти нам туда! Там — самое главное.

Косой прав, там — самое главное, туда я и иду. Сейчас постою, посмотрю на туристов, редко к нам приезжают такие пригожие, и пойду.

— Дамы и господа, — продолжал Валентин бодрым голосом, — сейчас мы зайдем в обменник, где вы сможете приобрести советские рубли, которые здесь в обиходе. Сюрприз! В баре *Holy Gorby* вы можете пообедать настоящей советской едой, выпить советского кофе или пива «Жигулевское», «Ячменный колос»... и расплатиться советской валютой... Вы сможете приобрести сувениры...

Веселые туристы, не дослушав его рекламной реплики, побежали приобретать советские рублики. Все еще механически выбалтывая заученные фразы, Валентин поправлял гимнастерку, как настоящий военный, и наконец, заметив меня, умолк. Пожилой чистенький немец в резиновых зеленых сапогах и легком оранжевом дождевике сделал пару вспышек на восковую статую генсека и с вкрадчивым шелестом вошел в бар.

— Опять «*I like Chopin*» крутят, — сказал Косой, угощая меня сигаретой. — Не знаешь, что Кустарь химичит?

Я сказал, что не знаю, иду посмотреть; закурили.

— Если покажет, — сказал он скептически.

— Ну, не покажет, так не покажет. Когда-нибудь все равно увидим.

— Все инструменты у меня перетаскали. Те, что у тебя не нашлись, у меня отыскали. И чего он придумал? Краски, целлофан, провода... желатин... Зачем ему желатин?

— Не знаю, не знаю... — сказал я, подавляя зуд любопытства. — Гадать не берусь.

— Какая-нибудь очередная каверза...

Совершенно непонятно, что он хотел назвать «каверзой». Кустарь по-доброму изобретателен, никогда никому подлости не делал.

Валентин припомнил фейерверк, которого я не видел, — он случился до того, как я начал сюда ездить. Во двор Валентина залетела шутиха, разорвалась посреди хлама, который он насобиравал и выставил на продажу. Сгорела куча тряпья, подумаешь! В стельку пьяный Косой валялся в своем подвале, надрался самогона и спал, но винит в «поджоге имущества» Кустаря...

— Я чуть не угорел тогда, — злопыхает он и шуруется, и это прищур стариковский,

¹ Мои дамы и господа, наш путь лежит туда! Чертово колесо! (нем.)

зубы у него желтые, редкие, он сильно усох за последние годы, хоть здешняя жизнь — беззаконие да беспорядок — ему только на пользу, он, можно сказать, расцвел тут, почувствовал себя хозяином, на нем многое держится, хмыри его уважают, однако время берет свое, Косой окукливается потихоньку.

Хотел с упреком сказать, что инструменты возвращать надо, но Косому такие вещи говорить не имело смысла: он патологически ничего не возвращал. Ну, скажу я ему... что толку? Он обидится, недели две волком смотреть будет. В нашей шараге такие люди подобрались — их уже ничто не переделает. Им всем, кроме меня, за пятьдесят. Разборы ни к чему, кроме ссор, не приведут, а ссориться у нас умеют...

Киваю, — ну давай, — ухожу. С ним можно посидеть, выпить; он, бывает, загнет, я слушал и готов слушать его истории, но, в принципе, с ним все кончено.

А вот Кустарь — это совсем другой характер, еще неразгаданный, другая натура, другая судьба, которую он еще не развернул перед нами, потому как больше молчит, больше вздыхает или говорит о своих изобретениях, о сопротивлении материала, много рисует, занимается сигнализацией и камерами видеонаблюдения, чинит все, что ломается, дает бытовые советы, умеет и знает, кажется, всё и любит всех поразить.

Вынашивая какой-нибудь план, он надолго запирается в мастерской. Все спрашивают: где Кустарь?.. не видели Кустаря?.. Узбеки за картами и нардами заскучали без него. Тобар, наливая пиво, скажет: куда-то пропал наш мастер... Давненько его не видали, откликнется Губа за столиком. Я отправлялся на поиски. Находил его в мастерской — с трубкой в зубах лежа на полу, весь в опилках и стружке, он вертел какую-нибудь мелочь, катал по полу гайку или запускал волчком часовое колесико, возил пальцем в опилках, рисовал на клочках бумаги завитушки, линии, контуры; когда его не было в мастерской, я уходил не сразу, замороженный покоем инструментов, я пытался уловить момент, когда их оставили, гадал, почему бросили или положили таким образом. Проверял ведерки — была ли в них краска, остается еще или давно засохла; не забыл ли он кисти или сигарету; что появилось нового, не погибает ли на глаголи скелет новой статуи. Однажды меня поразило красивое чернильное пятно на свежей доске, я не удержался, понюхал, и даже зажмурился от удовольствия. Если в мастерской его не было, я шел в сад, там, в глубине, за кустами смородины, у него было тихое солнечное место на плитняке. Там он пил вино, задумчиво глядя вдаль, или покачивался в гамаке с кошкой на руках. Я приветствовал его. Поведя бровью, он лениво кивал в сторону столика. Во все сезоны, под дождем и снегом, на трех ногах под старой яблоней стоит облезлый деревянный столик. На нем бутылка с красным вином из черноплодки или смородины, пепельница, полная окурков, рюмки, кружки, кофейник, стаканы и т.д. «Налей себе сам, присоединяйся», — говорил Кустарь. Толку от его предложения никакого — потому что присоединиться к нему в такие дни невозможно: он будет гладить кошку, думать о чем-то своем, а ты будешь пить в одиночку. Я пил его вино, курил его трубку, что-нибудь спрашивал, он добросовестно отвечал, но по-прежнему отсутствовал, и я понимал: ага, новый замысел... Я думал: вот бы найти лазейку, заглянуть в него, узнать, что он задумал... Побыв в таком отсутствующем состоянии несколько дней, он начинал потихоньку двигаться, заводился, хмуро бродил по лесу и поселку, бурча себе под нос, ездил куда-нибудь, что-то искал, собирал материал, притаскивал в свою мастерскую. В такие дни он не участвовал в жизни коммуны, он на всех чихать хотел: он не станет надевать маску и идти в поле, даже если приехали клиенты и готовы платить хорошие деньги, а в роте не хватает людей; плевать на деньги, скажет он, ему плевать на ваши заморочки, он занят, Кустарь в поиске, он работает, у него дела поважней, говорил он и шел в Инструментальную, перебирал инструменты в странной задумчивости. Он мог накричать на меня, если я задавал ему под руку вопрос, даже если я хотел помочь... Помочь?! Кто — я? Ха, как я мог ему помочь! Я, бесполезный кусок фанеры, как мог помочь ему, мастеру?! Я не обижался. Кустарь был прав — как мы

Ирина Краева

Наша Неонилла

Рассказ

Неонилла потеряла нос накануне дня рождения, в ночь.

Скрюченной ладонью согнала со лба холодные капли, выступавшие всякий раз, как таблетка кеторола растворит боль. Вздохнула, уже освобожденная от горячего шурупа в седалище, и поволокла свою немощь с кровати. Обвалилась ногами на пол, схватила стул. Правой ступней в носке крупной вязки придержала закружившуюся половицу, а левую, босую, упрямо потащила вперед. Отдышалась, вцепившись в край стола под клеенкой в голубую клеточку...

Так и добралась до калачика в глиняной кадучке на подоконнике.

Он вновь был осыпан цветками. «Мотылики-мотыльки», — покивала им Неонилла. Указательным и большим пальцами прищемила глубоко разрезанный листочек и, не в силах оторвать от стебелька, растерла его зеленую ласку прямо так, на весу. Подсунула нос. Мята с розой в ноздрях не расцвели. Ничем, шут его, не пахло, вот нисколько.

— На-ко, Нелочка, выкуси, — хрипнула Неонилла.

За тем к калачику и ходила — удостовериться. Не чуют запаха — к смерти. Загребла большой кухонный нож, забытый ею на подоконнике давным-давно, и с вспыхнувшей вдруг силой отхватила, как курице башку, самый верхний, самый крупный цветок калачика, который на самом деле назывался пеларгония, или герань. Цветок и нож остались в обмороке на подоконнике, а Неонилла потащилась на кровать. Втянув себя на лежбище с двумя матрасами и накинутым на них покрывалом вместо простыни, Неонилла разложилась поудобнее и запела голосом, как любила, с дрожанием:

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была...

И пела Неонилла до самого утра, пока небо не прояснилось.

— Мам, ну что вы в самом деле, как собака...

Ирина Краева (Пуля Ирина Ивановна) — писатель, автор художественных произведений для детей, журналист, педагог. Родилась в 1966 году в Кирове. Автор десяти книг, в т.ч. «Дети неба, или Во всём виноваты бизоны» (2018). Лауреат многих литературных премий (имени Владислава Крапивина, имени Александра Грина, «Согласование времён», «Новая детская книга» и др.). Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2015, № 11.

Невестка Марина, конечно, так только подумала, а не сказала вслух. Это была московская невестка, которая видела Неониллу раз в два года, и за день, разумеется, столичную свою вежливость не растеряла. Неонилле, согнутой пополам, с проклятым этим шурупом, никак было не усидеть на стуле за столом. Поэтому, косо примостившись на лежбище, Неонилла черпала ложкой вареный протертый буряк с подсолнечным маслом из пластиковой коробочки, стоявшей на полу. Так — с пола — она ела уже месяца два.

— Мам, — сказала невестка, — мам, поехали к нам. Поехали в Москву, а?

Неонилла прошамкала с набитым ртом:

— Ну и поехали. Завтра?

Когда старший сын Александр, Сашка Перченый, за год до своей внезапной смерти взял ее из районного городка к себе, в соседнее село, Неонилла устроила еще ту цыганочку с выходом. В борщ и ложку не опустила — то лук не поджарили, и что ей теперь — сопли жевать? То капусты навалом... Горчил даже любимый виноград. Особенно она ругалась на двери, все грох да грох: в селе жили трое детей Александра, сами уже родители, многодетные, вот к деду с бабушкой и прибежали внуки делать уроки или просто вареничков навернуть...

Тесно было Неонилле в круговерти большой семьи, не протолкаться среди кучи детей, да еще и соседей, которые по-селянски кто за чем так и шлындали в дом. Через три дня Неониллу по ее свирепому требованию вернули назад в городскую хату, водрузили на лежанку с матрасами. Сашка Перченый вместе с женой были вусмерть расстроены: мать не прижилась — стыдоба перед людьми. А вскоре Александра насмерть пришиб инсульт. Ольга от свекровки не отказалась, но попросила подмогу, ведь на ней была и своя престарелая мать. После крикливых дебатов сговорились с Сонькой, средней дочерью Неониллы, установить дежурство по неделям, привозя продукты по очереди — в воскресенье и четверг. Оплачивать им дорогу (Соня тоже жила не вблизи, в городке за восемьдесят километров) взялся младший сын Неониллы — Георгий, давно уже москвич. Да он и раньше платил за бензин всем, кто навещал мать. Ольга борща привозила столько, что вполне хватало на четыре дня, и обмывала Неониллу жестко, но начисто, и полы терла — аж тряпка визжала. На мясное Ольга не жадничала — свои крольчатина и курятина, но на это Неониллу не тянуло, заветренные куски кукожились в морозилке. Родная дочь Соня — та нет, не готовила, тряпки в руки не брала, сказывалась больной, дескать, нельзя наклоняться из-за сосудов, вдруг лопнут. «Шо вам купить, опять “Грушевку” ипатовскую и гафицкого буханок четыре?» — тонким голосом спрашивала Соня у порога и удалялась в магазин через дорогу часа на два, чтобы потом только обопнуться, выпросить денег на очередную свою проруху, и утопывала на автовокзал. Неонилле в Сонино дежурство было бы голодно, если бы не семечки. Семечки Неонилла колола единственным зубом с перерывами только на пение.

Марина, разумеется, слышала о цыганочке с выходом, впечатлившей всех, но бог с ней, с цыганочкой, когда вот же он, человек... Перед тобой человек...

— Калачик! — гаркнула со смешком Неонилла, откидываясь на подушку. — Если бы не калачик, ваша Москва только б меня и видела.

Накрапывал дождик, мочил хозяйство Неониллы — сараюшку и гараж, прижимавшиеся к земле, тонувшие в звериного образа лопухах. Георгий уперся влажным лбом в лоб Марины, смотрел глаза в глаза.

— Боялся тебя попросить, — и зажмурился.

— Думали, на годовщину по Саше, а на самом деле — за матерью, — хмыкнула Марина и поцеловала мужа в щеку. — Саша будто нас позвал, да? И правда любил ее... Вот и проверим, такие ли уж мы с тобой добрые...

Обмундировали Неониллу за полдня. Купили фланелевые халатики, шерстяную кофту, сами догадались — с карманами, узорчатые гетры до колен, белье

Анна Павловская

Небесное такси

* * *

это никогда не кончится
повторяться будет вечно
счастья детская песочница
страсти битое сердечко

там где мы пекли куличики
на ромашках колдовали
тёмных лет прошли опричники
накрест по диагонали

мы такие были важные
мы пекли лепешки влажные
набирали в горсть песок
запасали счастье впрок

где наш запасённый рай
а теперь в песочной чашке я
чай несю тебе ромашковый
хочешь чаю вкусный чай

* * *

мне прошлое снилось каким оно быть не могло
вполне настоящим светящимся прошлое снилось
как будто смотрю сквозь промытое ливнем стекло
на мир зазеркальный где всё по-другому сложилось

как будто с другой стороны прижимает к стеклу
нарядная девушка руку из чистого шёлка
а я умираю в холодном больничном углу
к груди прижимая смешную свою треуголку

Анна Павловская — поэт, прозаик, переводчик, сценарист. Родилась в Минске в 1977 году. Автор трех поэтических книг, в том числе — «Станция Марс» (М., 2018). Лауреат многих литературных премий. Живет в Подмосковье.

* * *

Коснёшься зеркала — расходятся круги.
Так боязно взглянуть и убедиться,
что отражение — ведь мы давно враги —
в ответ болезненно и мнительно глядится.

Зеркальная страна покрыта синим льдом.
Как в детском фильме, виденном однажды,
летит Снегурочка и думает о том,
что всех обидчиков мистически накажет.

Пусть в детстве это дверь, а позже полынья,
космическое ледяное око —
глядит, прищурившись, дремучая моя
душа, и прашуры мои глядят надменно и жестоко.

* * *

потерялась бабушкина псалтырь
на моей подушке сидит мизгирь
паутину сеет владеет сном
потому забывает себя псалом

забывает детство свою слезу
забывает юность свою красу
беспечален дивный мир за окном
для несчастных тех кто забылся сном

почему же в чухлом дрянном углу
мне не страшно думать что я умру
потеряться значит найтись в ином
в паутине смерти под потолком

* * *

забыть слова и выбросить словарь
сойти в печоры символов и знаков
за окнами кадавр или макабрь
всегда для одиноких одинаков

что будет если будущего нет
что было если прошлое изъято
за окнами сиреневый тотсвет
светодиод в четыре жалких ватта

к тебе зиман крадётся в темноте
холодный ящер с тонкими глазами
так не ищи для разговора тем
забудь слова замылившие память

забудь масло и с чистого стали
чнина снижи сойди на детский телеп
чтоб как-то оторваться от земли
зажавшей в челюстях твой хрупкий череп

Небесное такси

Летит небесное такси
Сквозь тишину и мрак
Когда ты молишься спаси
И плачешь как дурак

Оно летит над мостовой
На белый лунный свет
Когда ты слабый и больной
Когда спасенья нет

Когда ты слабый и больной
И молишься спаси
Приходит ночью за тобой
Небесное такси

Борис Минаев

Площадь Борьбы

Роман

В Москве

Уже двадцать пятого июня из Москвы начали вывозить детей.

Сначала было не совсем понятно, что именно происходит. Вместе со Светланой Ивановной Зайтаг в библиотеке работала некая Гартуева (осетинка, лезгинка? — она так и не удосужилась спросить), крупная женщина с властным голосом и яркими бровями. Она пришла на работу жутко возмущенная и рассказала, что всем приказывают покинуть Москву в трехдневный срок. Мальчику Гартуевой было три года, она как-то приводила его на работу, похвастаться перед тетками, такой крупный бутуз и, как ни странно, блондин.

— Представьте себе, Светлана Ивановна, — почти кричала Гартуева, размахивая перед лицом Зайтаг ложкой (они пили чай), — приходит, кто бы вы думали, участковый милиционер! Срочно, говорит, вывозите ребенка. И сами уезжайте, раз ему до пяти лет. Я прямо обомлела. Это что значит, я говорю, «раз до пяти лет»? А то и значит, говорит, после пяти лет вывозим без мамаш. Вот у вас есть ясли, говорит? Вот с ними и выезжайте. Какой адрес ясель? Я отвечаю — Каляевская, дом одиннадцать. Он там посмотрел у себя где-то — Рязанская область, говорит. Я прямо не знаю, что делать, потом собралась с духом, думаю, нет, это все-таки мой ребенок, и говорю: не поеду с яслями! Мне вот муж дачу снял! Под Москвой! Нет, говорит, это не годится. Будет административное взыскание. Нет, ну что это? Ну я понимаю, война, но дети-то тут при чем?

Светлана Ивановна продолжала вежливо улыбаться, но внутри у нее все похолодело. Лёшеньке в сорок первом исполнилось тринадцать. Может быть, и его тоже постараются отобрать? Ведь у нее нет ни мужа, ни дачи. Куда же они спрячутся?

Потом она все узнала. Детей вывозили организованными группами — на поездах и автобусах. И не в ближние пионерские лагеря: в Кунцево, Серебряный бор или Жуковку, — а гораздо дальше, за сто и двести километров. Говорили, конечно, про организованный летний отдых, про парное молоко, про что угодно, но все знали, что это неправда — власти боялись бомбежек.

— А вы думаете, будут налеты? — вдруг спросила Зайтаг, как бы очнувшись.

— Конечно, будут! — уверенно сказала Гартуева. — Мне муж так сказал.

Грудь под черной шелковой кофточкой крупно вздымалась, глаза блестили. Она была возбуждена и горда тем, что сделала для семьи такое огромное дело — не отдала ребенка в чужие руки. Теперь Зайтаг поняла, вернее, начала догадываться, почему за детьми приходит милиционер и почему их так срочно вывозят.

Если при налете погибнут дети, это будет страшно *для них*. Хотя виноваты будут фашисты, но люди *им* этого не простят.

Гартуева отвезла ребенка на дачу, взяв отгул. Через пару дней она вернулась на работу, с ребенком оставалась ее тетка, плюс она наняла еще какую-то няньку, колхозницу, и тоже отправила ее туда, в деревню Верхние Кукушки.

— Такое прекрасное место, — восхищалась она. — Тишина, покой. И вы знаете, с продуктами совсем другая ситуация, — переходила она на шепот.

Зайтаг внимательно слушала, продолжая заполнять формуляры.

Все происходило в просторной светлой комнате, где в кадках росли фикусы и другие растения с крупными зелеными листьями. Зайтаг любила сюда заглянуть (хотя ее рабочее место было за конторкой в читальном зале). Буртаева продолжала рассуждать громким шепотом о достоинствах дачи: там свежие продукты, нет этих жутких очередей, которые сразу же образовались в Москве в первые дни войны, все можно достать за копейки у крестьян, там чистый воздух, покой, и не грозят фашистские бомбы.

— А может, вам своего туда отправить? — ласково спрашивала она.

Зайтаг отрицательно покачала головой.

Однако ни в этот день, ни через день, ни в последующие три недели никакой участковый милиционер к ней не приходил, и ничего больше об организованном вывозе детей из Москвы она не слышала. Возможно, власти столкнулись с какими-то трудностями. Кроме того, если все остальные категории людей были зависимы и беспрекословно послушны, на них можно было цыкнуть, гаркнуть, строго сдвинув брови, — то на матерей с маленькими детьми это не очень действовало, они отчаянно сопротивлялись, возможно, поэтому, строила предположения Зайтаг, первая волна выселения захлебнулась на шестилетках. Но что будет дальше — неизвестно, и лучше от греха подальше быть рядом с Лёшенькой. Так решила Зайтаг, взяла краткосрочный отпуск и затаилась.

Она покупала на рынке клубнику, раннюю черешню, молоко, варила борщ из молодой свеклы, перестирала все белье, ходила вокруг дома в синей кофточке с короткими рукавами, в красной косынке, завязанной по моде двадцатых годов на затылке, никто из соседей давно не видел ее в таком наряде, смотрели с удивлением. «Как-то не вовремя вы ушли в отпуск», — иронично заметил сосед Даня Каневский. «Не знаю, — сказала она. — Может быть, напротив, как раз вовремя...»

Вся эта неопределенность закончилась через три недели. В ночь с двадцать первого на двадцать второе июля немцы впервые по-настоящему бомбили Москву.

Зайтаг выбежала из дома в ночной рубашке и понеслась по Вышеславцеву переулку босиком — туда, в сторону Площади Борьбы. Куда бежит, она не знала. Бежала и волочила за собой упирающегося Лёшеньку, и страшно кричала ему в ухо:

— Молчи! Молчи! Не говори ничего!

Так она добежала до Суворовской площади, на которой стояла зенитка, окруженная мешками с землей и людьми в касках. Вдруг зенитка произвела залп.

Они упали на землю лицом вниз.

В принципе, Зайтаг даже не понимала, жива ли она. Она ощупывала Лёшеньку рукой, не поднимая головы от земли.

К ней подбежал постовой милиционер.

— Женщина! Как вы здесь оказались? Почему в таком виде? Мигом в укрытие!

Укрытие располагалось неподалеку, в подвале Центрального дома офицеров — бывшей барской усадьбе. В огромных подвалах было промозгло и холодно.

Зайтаг трясло. Кто-то из темноты принес и накинул на нее одеяло. Зажгли свечи.

— Нет! Нет! — закричали тут же со всех сторон.— Что вы делаете?

И снова стало темно.

Эту первую бомбежку она пережила как в тумане, с трудом восстанавливая потом в памяти детали.

Она не помнила — ни как добежала до Божедомки, ни как попала в укрытие. Она не помнила слов, лиц, не помнила, кто накинул на нее одеяло, не помнила того, о чем со смехом рассказывал Лёшенька: как она тащила его по улице, крепко прижимая к себе, как пятилетнего ребенка, а ведь ему уже тринадцать лет, и он бегаёт быстрее нее.

Но что самое удивительное — она не помнила, что в тот момент, когда ее разбудила тревога, *она спала*.

— Мама... — со смехом спрашивал ее Лёшенька, вернее не спрашивал, а риторически вопрошал. — Ну как же ты не помнишь? Ты впервые за столько лет заснула, и именно в ночь бомбежки, я дышать боялся!

Она тихо улыбалась и смотрела на него.

Да, именно в эту ночь, когда две сотни немецких самолетов впервые разбомбили Москву, когда было сброшено больше тысячи зажигательных, осветительных и фугасных бомб, когда ярким факелом полыхали вагоны на путях у Белорусского вокзала, горела Пресня, и жутко выли и ревели животные в Московском зоопарке, когда бомбы попали в Кремль и Большой театр, когда люди выбегали на улицу от страха заживо сгореть и металась, пытаясь найти бомбоубежище, когда тысячи и тысячи ночевали прямо на рельсах в московском метро, — именно в эту ночь, впервые за одиннадцать лет, Светлана Ивановна спокойно и глубоко заснула. И с тех пор стала спать.

Причины этого удивительного явления были ей настолько непонятны, что она старалась об этом не думать, впрочем, в дальнейшем она говорила с каким-то старым врачом, пережившим еще германскую войну, и он объяснял ей, что опасность для жизни перестраивает организм и заставляет его находить *внутренние резервы*, но какие у нее были внутренние резервы, у нее не было никаких резервов, все они давно потрачены во время этих бессонных ночей и бесконечных шатаний по спящей Москве; она была бледная, никому не нужная тень, кстати, когда объявили комендантский час, она не на шутку испугалась, что теперь уже не сможет ночью гулять и будет переносить эту пытку бессонницей, запертая в четырех стенах, как в камере-одиночке, но... но она снова заснула. Она засыпала снова и снова, не веря себе.

...Нет, ссылка на резервы организма Зайтаг не устроила. И хотя это было не так важно, она пыталась найти объяснение сама (даже сходила в больницу Медсантруд, к доктору Вишняку, но, оказалось, он давно там не работал) — и вроде бы даже почти нашла.

Москва в те дни изменилась разительно, и дело было не только в этой нервной, тревожной обстановке, в толпах людей, снующих по улицам, дело было еще и в темноте, в полной крошечной темноте, так называемой светомаскировке, с наступлением вечера город становился совсем черным, как будто на птичью клетку накинули одеяло. Светили лишь звезды и луна, да металась и скреживалась в небе прожектора при немецких налетах — не горели ни звезды Кремля, ни уличные фонари, ни московские окна, сквозь редкую случайную щелочку еще иногда пробивался лучик

света, но тут же туда бежали бойцы ПВО с красными повязками (в основном женщины), и лучик гас...

Этот темный город был странен и недоступен пониманию Зайтаг — ведь в темноте его жизнь активно продолжалась. Работали заводы, за их стенами явственно гудели и грохотали машины, ездили туда-сюда грузовики, шаркали подошвы, цокали копыта лошадей — и все это в абсолютной тьме. Люди видели лишь очертания, силуэты, неясные тени и, приближаясь друг к другу, глуповато и нелепо окликались: товарищ? — кто здесь? — товарищ, ты кто? — посторонись, я иду...

Библиотека теперь стала работать в ночные часы, и если Зайтаг шла на службу, услышав такие разговоры на улицах, она смеялась почти до слез, зажимая себе рот рукой.

Но Зайтаг знала: дело было не в темноте, не в стрессе, нет, *сама война* была причиной ее внезапно наступившего покоя, война освободила организм, вылечила ее голову и погрузила в новое ожидание — умрет ли она, или будет жить?

Это было так интересно, что иногда Зайтаг застывала, глядя в одну точку, пытаясь это разгадать, понять, увидеть в будущем.

Загадка возможной близкой смерти перевернула все ее существо. И сделала жизнь более внятной и осмысленной.

Собственно, в этом-то и было дело — в ее жизни наконец появился общий внятный смысл.

Зайтаг осенью ушла из районной библиотеки и устроилась в Историчку.

Рабочих рук в Москве не хватало. Многие женщины-библиотекари уезжали в эвакуацию вместе с детьми, уезжали с мужьями, которые отправлялись в Поволжье и на Урал вместе со своими заводами и фабриками, наркоматами, институтами и прочими важными учреждениями, которых в Москве были сотни, если не тысячи.

Все паковали вещи, все плакали, все прощались, уехала и Гартуева в Свердловск, кажется, и другие женщины из их старой библиотеки в районе Каляевской улицы — она оставалась практически одна, если не считать старого слепого сторожа, с которым она именно в эти недели подружилась, а до того и полслова не сказала за восемь лет.

Ездить в Историчку было далеко — в какой-то взбирающийся вверх переулок рядом с Соляным домом и Ивановским монастырем.

Вообще это место на Солянке она не любила, там было слишком много церквей, а церкви в ее сознании были тесно связаны с отпеванием, с похоронами, но, с другой стороны, огромная всесоюзная библиотека с ее основными фондами, отделом периодики, особым контингентом читателей, — все это было очень интересно и заманчиво.

Однако и там, в Историчке, библиотекарей становилось все меньше и меньше.

Брали на работу каких-то испуганных молодых женщин из Подмосковья, но и они постепенно уезжали, растворялись, уходили куда-то.

В какой-то момент начали срочно вывозить книги (сначала отдел редких книг, потом все остальное, потом взялись за картотеку), и она решила, что библиотеку все-таки закроют и Москву, видимо, сдадут.

А Зайтаг не хотела уезжать. Это не входило в ее планы.

Об этом она однажды поговорила с Даней Каневским.

— Ну а бомбежки? — спросил он ее жестко. — Не боитесь за ребенка?

Бомбежки продолжались почти каждый день. Это была правда.

— А к чему это ваше моралитэ? — она посмотрела исподлобья, обиженно, вдруг сделавшись похожей на гимназистку. Дана про себя даже улыбнулся. — Мне здесь... — продолжала Светлана Ивановна уже гораздо уверенней, — мне здесь будет спокойней.

Андрей Грицман

Каждый себе — спаситель

* * *

Ходят слухи, что скоро конец света.
Закупка гречки, хозмыла, москательного товара.
Ещё в ходу — Алёнка, Мишки — шоколадные конфеты,
но всего, даже пеньки, мало.

Это значит — мы приближаемся к бездне,
она же поглядывает на нас.
Это время петь последние песни
и маску носить, как носил Фантомас.

Всё слухи ползут, что наступает
смутное время, и глад, и мор.
Но вести идут из дальнего рая,
что там ещё есть: Казбек, Беломор.

Что водка ещё 3.12.
Фруктовое в стаканчиках копеек за 7.
Магический номер. Пора собираться,
пока не закрыт нам путь насовсем.

Пока не замёрзла флотилия духа
и летит струя кровавых телец.
Пока по Тверской ещё шастают шлюхи,
пока не пришёл последний конец.

Так что не страшно нам. Всё видали.
Рожки на полках и маргарин.
И где-то в далёкой туманной дали
всё тот же белеет парус... один.

Андрей Грицман — поэт, эссеист, переводчик. Родился в Москве, с 1981 года живет в США, работает врачом. Пишет по-русски и по-английски. Автор многих сборников стихов и книг эссе. Главный редактор международного литературного журнала «Интерпоэзия». Основатель Международного клуба поэзии в Нью-Йорке.

* * *

Март. А что ещё остаётся?
Доедаю на солнце морковь.
Словно заяц предсердие бьётся,
и желудочек выдохнет кровь.
У дороги стою снежным дедом.
Так нежданно случилась любовь.
На дорогу гляжу напоследок,
проступают прогалины слов.

Дом у лесной дороги

В заброшенном доме,
где даже и души истлели,
никто не умрёт,
никто не постелит постели.

Я мимо пройду,
случайный ходок-неудачник.
Одно утешенье,
что путь мой обратный оплачен.

Но, впрочем, туда,
где пыль в позаброшенном доме,
туда же душа
почему-то и чем-то влекома.

Вот так и проходит прогулка:
то мимо пустынного дома,
то мимо себя самого.
Дорога моя незнакома.

* * *

Трофейный ковёр.
Молочное пятно.
Пять лет, ангина.
Лёгкий след от советского шампанского.
Отец молодой. 1955-й Новый год?
Ковёр вечный, такая работа.
В глубоком слое — следы
немецкой семьи.
Бранденбург, Силезия?
По линии наступления 33-й армии.
Вот мы и породнились с ними.
Трофейный ковёр.

* * *

Сезон дождей затянулся, ограда промокла.
Выедешь за город: склады, пакгаузы, лавки.
Всё отсырело. Наохлились бензоколонки.
Дальний товарный замер и частью пейзажа
стал, как и закрытый шлагбаум.

Мы погрузились в машинах в вечную спячку.
Кто его знает, когда этот город откроют.
Нам неизвестно: кто там смеётся и плачет.
Просто живут себе, ожидая второе
пришествие. Его и не будет. Этот сезон
затянулся на три поколения. Всё отсырело —
церкви и тюрьмы, селенья.
Да и никто не услышит побудки.

Так и живём, каждый себе — спаситель.
Только заметен мираж на горизонте.
Где-то вдали, за пределом, в тающем свете
виден рассветный Кинерет на контурной карте.

Владимир Садовский

На крюки своя

Рассказ

С белорусского. Перевод автора

Это был сон, это был сон, это был сон.

Бывает приснится что-нибудь неприятное, жуткое, и по ощущениям очень реальное, такое, что ты даже думаешь, что вот и все, конец, жизнь под откос. А потом просыпаешься, несколько мгновений не понимаешь, где ты, кто ты, и постепенно с большим облегчением начинаешь осознавать — это был сон. Только сон. То, что минуту назад казалось неизбежным злым роком, оказывалось всего-навсего предрассветным наваждением.

Это был сон, это был сон, это был сон.

Михась раскрыл глаза. Низкая металлическая крыша, деревянная скамья под боком и маленькое оконце, забранное решеткой. Это был не сон. Михась потянулся, привстал. Заколело в мышцах от неудобной позы. Котомка с вещами, собранная впопыхах, валялась в ногах.

Они пришли с утра. Нет, даже ночью. Грохот в дверь. Били кулаком в кожаной перчатке, затем сапогом с металлическими подбойками. Вся коммуналка вскочила. Заспанные лица выглядывали из комнат в коридор. Первой очухалась и подошла к дверям баба Стася.

— Кто там?

— Открывай, — подчинял голос с той стороны.

Их было двое. Высокий, в фуражке и синих бриджах, вытянулся как столб, так, что ремни на груди закрипели. За спиной — солдат с винтовкой в руках. Оба глядят исподлобья. У высокого рука на кобуре.

— Петровский Михаил тут живет, — не вопрос, угроза.

— Да, — Михась робко откликнулся из-за двери своей комнаты.

— Пяць минут на зборы, урэмя пашло, — языковая русско-белорусская мешанка и властный тон говорящего как-то не вязались между собой. В другой ситуации Михась бы улыбнулся. Сейчас же было не до смеха.

Натянув брюки, он лихорадочно принялся собирать и заталкивать в котомку вещи, первое, что попадалось под руку: рубашка, белье, кусок сала, завернутый

Садовский Владимир Артурович — белорусский писатель. Родился в 1987 г. в Куйбышеве. В 2009 году закончил энергетический факультет Белорусского национального технического университета в Минске. Печатался в белорусских литературных журналах «Маладосць», «Дзеяслоў», «Польмя» и др. Автор книги «1813» (2016; изд-во «Янушкевич»). Живет в Заславле (Минская область, Беларусь). Это первая публикация автора на русском языке.

в бумагу. За каким-то чертом схватил со стола книгу — русско-белорусский словарь Александровича. Незастегнутым выскочил из комнаты в коридор, прямо в руки к конвоирам.

— На выход, — бросил главный.

Процессия с Михасем в голове вышла из коммуналки. Только тут, за дверями, начал понимать, что происходит. Дыхание перехватило, ноги подкосились, Михась споткнулся на ровном месте и чуть было не упал.

— Без фокусов, — гаркнули из-за спины.

Во дворе ждал фургон. Неприметный грузовик с надписью «Хлеб». Еще один солдат стоял около открытой дверцы.

— Подымайся.

Михась забрался в кузов по неудобной лесенке.

Внутри были еще люди, человек семь, испуганные взгляды, затхлый воздух. Михась опустил на свободное место на скамье и устался в пол. Вслед за ним в фургон поднялись солдаты. Дверцу закрыли снаружи. Бойцы молча уселись по обе стороны от выхода. Лязгнула дверь кабины, и фургон тронулся. Сквозь маленькое окошко пробивался внутрь электрический свет редких уличных фонарей.

Вскоре грузовик остановился. Скрипнули ворота, и фургон на малой скорости потянулся вперед, проехал немного и встал. Солдаты выпрыгнули на улицу и захлопнули двери. Из-за металлических створок доносились приглушенные приказы.

— Вывадзиць па аднаму.

— Так точно, — дверцы фургона распахнулись.

— Петкевич, на выход, — гаркнул солдат в образовавшийся проем.

Лысенкий дяденька в пиджаке поверх майки поднялся со скамьи и неуклюже прыгнул со ступенек. Следующего вызова ждали долго. В темноте и тишине. Время от времени вдалеке слышался рокот двигателей или лязг подкованных сапог по брусчатке.

— Апанасенко, — еще один временный житель фургона исчез за дверями.

Михась сражался со сном. Страх сменился чувством обреченности. Ничего не поделаешь, так хоть поспишь. Сквозь дремоту он слышал, как открывались и закрывались двери, слышал голоса с улицы и фразу, сказанную кому-то из солдат:

— Гэтава астау у машине, не сбяжиць. Там места уже нету.

Затем он все-таки уснул.

И вот теперь — сколько времени прошло, неизвестно — Михась сидит один в пустом фургоне и смотрит, как солнечный луч сквозь решетку рисует на поцарапанной металлической стенке полосатый прямоугольник.

Это был не сон.

Михась поднялся со скамьи, чтобы выглянуть наружу. В небольшой проем зарешеченного окошка был виден мощный двор и часть глухой кирпичной стены дома. Ни одного человека в поле зрения не оказалось. Михась не сразу понял, что казалось ему неестественным в окружающей обстановке. Тишина. Когда он засыпал, двор был полон звуков и движения, теперь же было слышно лишь как чуть потрескивает жестяная обшивка фургона, разогретая утренним солнцем.

Осторожно ступая по доскам пола, словно боясь разрушить шумом шагов неожиданное утреннее спокойствие, Михась подошел к дверям фургона и прислушался. Ни звука. Михась толкнул дверцу и та на удивление легко открылась. В кабину ворвался прохладный утренний воздух. Парень напряженно ждал, что чудо сейчас закончится, охранник гаркнет: «Куда?!», и ночной кошмар продолжится. Но ничего не произошло, дверца фургона уже минуту стояла открытой, и никто снаружи не собирался ее закрывать. Михась высунул голову наружу и осмотрелся. Пусто, ни души.

Елена Севрюгина

В первый раз родилась

Стихи Калининграду

осенний горький шоколад горячего разлива.
спешу по набережной вниз восторженной фике.
калининберг и кенигсград, как просто быть счастливой,
как сладко слово обронить на птичьем языке.

молчит фейсбук, молчит вотсап — хочу с тобой сродниться —
здесь чуждый гвалт и свойский шум смешались на мосту...
ещё не русский до конца — уже не заграница,
в тебе, как воздухом, дышу ветрами двух культур...

внутри капканов городских шагаю беспонтово,
но вечер-мим снимает нимб и за руку берёт —
ты пойман в прусские силки, мечтами окантован,
и по полям старинных книг просыпан янтарём,

уже печалью смоляной скользит по окнам ливень,
поскольку завтра провожать тебе меня на год,
но ты зови меня, родной, и я вернусь, mein liebe —
пусть нашей встречи долго ждать, так долго ждать, mine got...

* * *

ты вечно куда-то едешь
либо надумываешь идти,
деревья снимают ветошь,
дороги стенают: «Нет уж»,
рассветы твердят: «Лети»,

Севрюгина Елена Вячеславовна — поэт, литературный критик, редактор, филолог. Родилась в 1977 году в Туле. Окончила Тульский педагогический университет. Кандидат филологических наук. Автор четырех сборников стихов, в том числе «Сказки для взрослых» (2014) и «По страницам моих фантазий» (2017). Лауреат многих литературных премий. Живет в Москве. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

а ты понимаешь: «Стоит»,
бесстрашно идёшь вперёд —
ты сам для себя историк,
но тихий журнальный столик,
где тихо бумага стонет,
потом тебя заберёт.

ведь это совсем не трудно —
нести в себе города,
пустыни, мосты, запруды
и страны, где много люда —
ведь все попадут сюда,

где воздух теплей и слаще,
где мифы твои растут
из белой воды хрустящей,
в бумажной волшебной чаше
и рифмой горчат во рту.

* * *

я раньше часто пела эту песню
теперь слова не вспомнятся конечно
мой инструмент болгарская кремона
лет пять как приказала долго жить
а времена становятся железней
когда из сердца улетает птица
когда вода похожая на пальцы
безбашенного злого мальчугана
тебя несёт куда-то за пределы
наполненного музыкой пространства
и начинаешь что-то тыры-пыры
и говоришь немного заикаясь
как будто нет невидимой опоры
в которой ты ответы находил...

но стоит только сыну улыбнуться
и ветру потрепаться с занавеской
и даже просто доброму случиться
на улицах недобрых и пустых —
во мне опять звенит моя кремона
которая совсем не исчезала
и песня о которой позабыла
рождается в заветной немоте

В первый раз родилась

в первый раз родилась и в последний умру
чтобы ртутью дрожать на холодном ветру
вызреть в темноте галактических дыр
возвращаться непойманным всплеском воды

вы — чьё имя за гранью последнего дня —
не шепчите меня не звоните в меня
не кричите меня миллионом имён
пусть останется слова несобранный мёд

станет воском стекать ворожить в пустоту
колокольной тоской камышинкой во рту
терпким ливнем что льётся в гортань соловья
золотой тишины разомкнулись края

проливается света звенящая нить
новым небом дышать нервным нёбом хранить
остролистную завязь степного цветка
многоструйную речь из речного песка

у истоков земли холоднее вода
вам не видно но я возвратилась сюда
голубая смола порошок у глаз
в первый раз умерла в сотый раз родилась

О. Камов

КПД

Рассказы

Халат
(Рождественская история)

...Но это не конец пути,
И мили мне ещё пройти,
И мили мне ещё пройти.

Роберт Фрост (перевод О.К.)

«И гулять! Обязательно, каждый день, не меньше часа, если не хотите, чтобы я потерял еще одного пациента, а штат — еще одного демократа, тем более накануне выборов», — качественный юмор у моего дока, и ровесника убеждает.

Приступил к променадам: от своей игрушечной квартирki-студии на Авеню две мили по тротуару на север шкандыбаю.

Мимо исчезающих в облаках, будто ноги сказочного исполина, двух тонких башен — зимних стойбищ богачей-космополитов новейшей генерации, летом им тут жарко.

Мимо здания всемирно известной аукционной фирмы, где недавно за астрономическую сумму продали картину гениального художника. Мастер страшно бедствовал на недлинной дороге к могиле, отдавал холсты за еду. Обычная история: получи он при жизни лишь десятую долю — только бы его и видели парижи-венении, конец творчеству с таким баблом.

Мимо эскадры огромных специализированных госпиталей и исследовательских центров, доки все успешней отнимают работу у похоронных контор на Манхэттене, хотя понятно, что преимущество временное, и тихие терпеливые ребята в черном своего дождутся.

Остальную архитектурную мелюзгу оставляю без внимания и заканчиваю первую половину дистанции в небольшой уютной кофейне с неоштукатуренной кирпичной стеной и громоздкой рычащей мельницей — очень похожая стояла когда-то в знаменитом магазине со всеми китайскими затеями наискосок от московского Главпочтамта.

Автор, сочиняющий под псевдонимом О.Камов, — специалист в области прикладной и вычислительной физики, окончил МФТИ, работал в одном из московских академических институтов. Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Урал» и др.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 11.

Дохлая рыба

А. К.

Рыба означает, что Лука Брази спит на дне морском.

Марио Пьюзо. «Крестный отец»

«Достиг я высшей... меры. Вот они, рядком, скромного благородного размера. Неразличимые, блестят крепкими корешками, до сих пор пахнут изумительно, особенно внутри. Все десять штук. Ошибка: девять — одна у хорошего человека, может, так же покоится на полке вертикально. Как новый труп на бетонном постаменте на дне глубокого Гудзона в лихие времена Великой депрессии. Хотя тогда-то как раз было кому читать, липкая Мировая Паутина еще не запеленала надежно глаза, уши и мозги бедному населению.

А зачем людям книга теперь, когда каждый, за один клик, в долю секунды, оказывается в койке мировой знаменитости? Не натурально, конечно. Виртуально. Как будто. Но печатный «материализм» — он ведь не круче! Плюс в цифре все доступней, доходчивей и дешевле, все для тебя. И так же «про тебя», как бравые целлюлоидные «Кубанские Казаки» со всеми их подругами-красотками — про несчастное, голодающее послевоенное село. Причем все намного проще: пятый сезон, сотая серия... Насладись, даже если безграмотный».

Умная Наталья, литагент, строго сказала:

— Еще не финал, придется немного раскошиться дополнительно, Лев Наумович, без рекламы им и десяти процентов вашего тиража не продать — надо раскручиваться.

Ухоительный тираж, ровно тыща экз., примерно вровень с сегодняшними respectable «толстяками», где он уже имел честь опубликовать без единого отклика пару из пятнадцати рассказиков, собранных в первом сборнике.

— Это в каком направлении раскручиваться? — поинтересовался он. — Я не на эстраде пою с притопом-прихлопом. В издательстве книжка понравилась. И не потому, что печатаюсь за свои зеленые — у них строгий отбор, берегут репутацию, говна не пропустят — сами же говорили. Теперь настало им время помочь в реализации, как в договоре записано, я даже упростил задачу: десять экземпляров себе забрал бесплатно, — знать бы, зачем.

— Смеетесь или как? — строго спросила Наталья. — Забудьте про тот договор. Тут вам не белье рекламировать, не еду, сия пища — духовная есть, ее профессиональные критики готовят, думаете, они будут за спасибо потеть? За хорошие рецензии надо заплатить. По крайней мере, двум критикам, лучше трем. Можно и отличные заказать — но они дороже. А послушались бы меня с самого начала — на обложке сейчас красовался бы приятный псевдоним Лев Серов, а не загадочный Л. Грейсон туманного происхождения. Хотя смысл — одинаковый. Но звук другой, и это важно. Причем бесплатно. Теперь можете забыть: ту-ту-ту — проехали.

«Думает, он с похмелья свой псевдонимб изобрел. Одна лишь буква. А личность — абсолютно новая.

И чудом уцелевшие два-три человека, мнением которых он дорожит, не скажут с удивлением: «Лёвка, он что — с ума сошел? Куда его потянуло, он же прежде чем слово сказать, мычит полминуты. Новый ди Лампедуза нашелся, этого гепарда критики быстро в клетку запрут, посадят на цепь дурака...»

И которые попроще — не озадачатся: «Что за Брейсон такой? Кого он там в своих америках бреет? И где? И чем? Уютно устроился, хитрован...»

А неприметный Л. Грейсон — серая мышка, сынок седой — кому его личность интересна? Вот это и радует: все внимание — на содержание».

— Рассказики ваши — чудные, вы и сами знаете, нечего приbedняться. И я знаю. И еще редактор с корректором в издательстве. Узок круг этих людей. Конечно, такая литература не для каждого. Но если заплатите, с моей помощью, кому надо — тысячу читателей-интеллектуалов наскребете, зуб даю. Фак, я же к стоматологу опоздаю — в темпе, в темпе!

— Деньги не главное, Наталья, — говорил он со слабо скрываемым пафосом. — Они же наверняка не огромные, у меня такие есть. Но получается, что эти положительные рецензии — я покупаю. Правильно?.. Противно как-то.

— Чего тут удивительного? — конечно: когда один продает — другой покупает. И наоборот. А потом снова. Глядишь — и отношения завязались, товарно-денежные, рынок обозначился. Сейчас все продается и все покупается: аттестаты зрелости, университетские дипломы, докторские диссертации, мусорные картины Люды Реммер, маски с перчатками, гаражи с квартирами и без, хербалайф и хер знает, что еще. У вас там Нью-Йорк под боком, неужели не вписались? Не может быть! Вы на рынок ходите? Обратите внимание, «Фармерс Маркет» у них называется, еще Блошиный есть... Вы слышите меня? Почему молчите? Алё! Лев Наумович!

— Да, да, — очнулся он, — слышу хорошо. А журналы? Они регулярно критику публикуют, вдруг откликнутся?

— Будете платить — везде откликнутся, для экзотики можете даже зафрахтовать какого-нибудь старичка, свадебного члена СП из прошлого тысячелетия. Но текст придется писать самому. Только зачем вам эта rain in the ass? Гораздо хлопотней. Причем дороже. Короче: такова селяви наших будней, врубаются? — прямо булат в голосе зазвенел.

— Простите меня, Наталья, сложно принять столь необычный алгоритм, книга — она не... Золотой Батон, — ничего лучше сходу придумать не смог, разволновался, наверняка представит его пушкинским скупым жидом Соломоном. — У меня статей по физике-технике — до чёрта. И ни за одну не платил, а наоборот, получал иногда. Если кому-то что-то нравилось — они ссылались в своих трудах. Причем бесплатно. По старинке. Чтобы печататься за деньги — и в мыслях никогда не держал.

— Если денег жалко — так бы и сказали с самого начала, а не тратили моего времени. В общем, мы с вами в расчете, приятно было поработать, пока.

— Не жалко, не жалко! — кричал он навстречу неумолимым гудкам отбоя...

В общем, Наталья исчезла с концами. Поделом ему, нечего свои «принципы» демонстрировать в публичном доме, где всего две базовые позиции: или ты, или тебя. Но большая ли это разница, если цель — удовольствие? Точнее, удовлетворение своих низменных наклонностей, конкретно — тщеславия. В первую очередь.

Казалось бы, ну на что «загадочному Л. Грейсону» литлавры или даже просто скромная литизвестность?

У него, слава богу, имелась — в той самой физике-технике, в ограниченном ансамбле единомышленников, неплохая репутация. Но она с каждым необратимым уходом коллег в обоих полушариях Мозга Земли постепенно истончалась — как столб дыма при подъеме из трубы крематория. Про друзей вообще вспоминать больно: их никогда много не было, а теперь никого не осталось — успешно загубили себя все.

И хотя его мозг работал уже на малых оборотах — он не спешил присоединяться к дорогим бывшим собутыльникам, ему жутко интересно было возиться с буквами — на это мощности хватало пока.

Так что он пишет свои рассказы потому что хочет. И может.

И чтобы не застыть, как будда, на диване с банкой диетической колы напротив экрана TV, а крутиться в меру сил на стульчике вокруг компьютерной клавиши.

И чтобы продолжали помнить, — это его грело.

Как-то, просматривая в Сети толстый журнал, в коем имел счастье единожды напечататься, он обнаружил раздел с характерным бандитским названием «Дохлая рыба». Он, конечно, много раз смотрел культовый фильм и даже прочел бестселлер Пьюзо, поэтому вопросов у него не возникло. Очевидно, это была черная метка, напоминавшая бесталанным или нерадивым, а может даже одаренным, признанным, но зазнавшимся... — каким там еще? — адресатам, что дни их в литературе сочтены. Типа «Finito», то есть с концами — тут шутить не любят.

В подтверждение этой мысли с маленького фотопортрета в левом верхнем углу на читателя сурово глядел матерый человечище, не оставлявший сомнений, что какую бы меру он ни назначил изменнику пера, — он же, лично, без колебаний приведет приговор в исполнение, если понадобится.

Лев Наумович начал читать и удивляться. Вот это да! Терминирует, превращает в серую пыль и растирает сапогами. И в конце — прощальный поцелуй: «Достоевскому приписывают фразу: “Труднее всего выразить посредственность”. Если классик прав, то Букеровскому лауреату удалось немислимое».¹

Ай молодца! Ну киллер, чистый киллер! Вы и убили-с, господин хороший...

О-о-о, да этот чувак почти из каждого номера свою дохлую рыбу рассылает. Ни степеней, ни рангов. Неприкасаемых нет — получи, подлюка, что заслужил:

«Автор в очередной раз отрекомендовался аудитории как мастер низшего пилотажа»;

«Колченогая фабула, опутанная словесными веригами, кое-как ковыляет со страницы на страницу под камнепадом однородных членов»;

«Чтоб вы так жили, как я с вас смеялся. Но я вам как родному: ваш товар для Кременчуга, и ни копейки больше, таки да»...

Сомнений не было: именно этот прямой мэн и был ему нужен. Только он мог объективно оценить достоинства прозы новичка, естественно, вместе с отдельными недостатками — все не без греха — и представить его сборник широкому читателю в количестве девятисот девяноста человек. Но как с ним связаться? Лев Наумович рискнул и написал редактору журнала.

Редактор на удивление быстро откликнулся с адресом новейшего серийного Родиона Романовича, хотя предупредил, чтобы господин Грейсон хорошенько подумал, прежде чем посылать просьбу Терминатору. Так как не исключено, что результат будет сильно отличаться от ожиданий автора, которому редакция желает успехов и с которым надеется продолжить сотрудничество.

«Волков бояться — в лес не ходить», — его емеля ушла Неистовому в тот же день. А может, в ту же в ночь, сейчас это не важно, с Интернетом — всё в ту же секунду, хоть ты в Скалистых горах, хоть в Уральских.

Ему правда нужна была. А денег ему не жалко, правда. Правда, жалко, что Наталья не узнала.

Двадцати четырех часов не прошло — получил обратный мейл в повелительном телеграфном стиле:

«Переводите ... счёт ... , высылаете книжку в вордовском формате, даете мне неделю, Вам комплиментарно?» — душа-человек, такой простой, растрогался Л.Н. и сразу отправил деньги и текст с припиской: «Пожалуйста, ответьте без вранья», — все эти трюки, которым Наталья его учила, ему без нужды.

¹ Здесь и далее любое совпадение с опубликованными и неопубликованными ранее текстами — случайно, скорее всего, из-за хакерской атаки на сайты Google и Yandex. Проводится расследование (О.К.).

Ответ неожиданно пришел вместо назначенного конца недели в ее середине. «Хороший знак», — подумал Лев Наумович и двинул неспеша наверх переодеться. Выбрал свежайшую накрахмаленную белую рубашку «баттон-даун», последний раз носил ее с черным галстуком на похоронах коллеги Ленни на маленьком сельском кладбище за рекой, держал как раз для таких случаев. Ни галстука, ни черных брюк он решил не надевать и остался в длинных черных спортивных трусах «Адидас», он их не снимал круглый день, у него три пары таких было, очень удобно на летней жаре и почти официально.

Вернулся к компу, достал из бокового шкафчика початую с прошлого года бутылку односолодового. Свинтил ей голову, отхлебнул из горла, ничего не почувствовал — неужели выдохся нектар? Сделал второй глоток и открыл заветный файл:

«Сразу же предупреждаю: будет скучно. Проза Л. Грейсона — триумф среднестатистических величин. Не графомания, но и не шедевр. Не трагедия, но и не фарс. Маленькие истории из жизни маленьких людей, написанные в технике гризайля, — из всей палитры автор выбрал пятьдесят оттенков серого, сегодня трудно найти человека, не знающего английского, поэтому прошу прощения за невольный каламбур».

Из того же хранилища он достал сигару и зажигалку, закурил перед следующим абзацем.

— Лёвушка, почему табаком пахнет? — поинтересовалась сверху жена.

— Соседи курят на веранде, — прохрипел он.

— Завтра с ними поговорю, — сказала жена. — Пусть внутри дымят, тебе же нельзя с твоим сердцем, даже пассивно, что за люди...

— Я сам, — ответил он и продолжил:

«Авторская всеядность и броуновская неупорядоченность текстов с головой выдают отсутствие концепта как такового: ранжир возникает там, где есть идея. Прошу прощения за ликбез, но старое журналистское правило гласит: идея считается проработанной тогда, когда укладывается в сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Примеры грубые, но показательные: репку вытянули, потому что трудились сообща; Колобок погиб, потому что был самонадеян. Попытки выстроить подобную конструкцию применительно к Л.Г. обречены».

Ну давай, дядя-Колобок-самонадеянный, расскажи мне в одно предложение «Долгие крики», или «Во сне ты горько плакал», или «Веру и Зойку», или еще одного дядю, искандеровского, самых честных правил, там же все невесомое, непонятно из чего сплетенное — то ли из любви, то ли из страха, то ли из слез, — подумал он с нарастающим раздражением и опять пригубил дохлого зелья. — Поучи безродного докторишку писать, объясни, чего нельзя тащить в один рассказ... как там у тебя написано?... Ага:

«...в котел идет все, как в ирландском рагу незабвенного Джерома К. Джерома. Вот, скажем, небольшая зарисовка о том, как умер старый и одинокий любитель джаза.

На десяти страницах текста нашлось место липкой ромовой бабе из детства, синюшной мороженой индейке («Blue Rondo a la Turk», острит автор), — моча односолодовая — слабей сока... Мудила, это «стандарт» покойного Дэйва Брубeka, в дословном музпереводe «бесконечная синяя индейка», ее постоянно жрет бедный меломан. Врубаешься — как Наталья говорит? — точным дисциплинам, бывшей жене, внуку и внучке, экс-хиппи Марку, похожему на Американского Белоголового Орлана, Нильсу с дикими гусями, красавицу оленю с ветвистыми рогами и внушительными яйцами, Эйнштейну, бразильской самбе и собственно джазу...» — для тебя такая литература сложна? — читай адаптированного Льва Николаевича, как там у него... «Маша мала. Я вижу сны про Машу», — только не кончи по ходу, графская азбука не для

педофилов, — он не мог продолжать этого бессмысленного мысленного монолога-диалога, почувствовал, что задыхается, раздавил драгоценную подарочную сигару и спустил, будто маленькую пальму или кальмара, в унитаз — еле прошла, растворил окна, закрыл файл и поплелся спать, е*ал он эти именины. Он был смертельно, в жопу, пьян.

Следующим утром, после чашки горячего кофе, дочитывать приговор было гораздо легче:

*«Однако надо бы бросить ложку меда в бочку дегтя. Есть у этих опусов одно несомненное достоинство: дефицитная в наше время правильная русская речь. Но и она подпорчена фатальным отсутствием слуха. Авторская любовь к действительным причастиям рождает отменно скверную звукопись: “сверкнувший”, “хипповавший”, “умиротворяющий” — сплошь и рядом виши во щах», — е*анулся, Орфеюшка сладкозвучный, батюшки святы, хоть доктора Фрейда к нему с небес вызывай!*

В самом конце награда все-таки нашла героя, Лев Наумович ощутил себя настоящим Букеровским лауреатом:

«Достоевскому приписывают фразу: “Труднее всего выразить посредственность”. Если классик прав, то Л.Г. удалось немислимое». — Один-в-один! Фраза многообразного пользования — как ракета Илона Маска.

И Ф.М. не обидится на приписчика, не будет права качать.

А аффтара — к высшей мере, через хату по канату, как в детстве пели!

Он потянулся к полке, какой том? Нашел, третий. Раскрыл. Уже бумага пожелтела, а, казалось, только переехали:

«Все затихло в Москве. Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице. В окнах огней уже нет, и фонари потухли. От церковей разносятся звуки колоколов и, колыхаясь над спящим городом, поминают об утре. На улицах пусто. Редко где промесит узкими полозьями песок с снегом ночной извозчик и, перебравшись на другой угол, заснет, дожидаясь седока.

.....

У подъезда стоят карета, сани и извозчики, стеснившись задками. Почтовая тройка стоит тут же. Дворник, закутавшись и съежившись, точно прячется за угол дома. «И чего переливают из пустого в порожнее? — думает лакей, с осунувшимся лицом, сидя в передней».

— Пидарас, — беззлобно пробасил Л. Грейсон, цитируя укрощенного, в конце концов, Хруща, и с наслаждением продолжил чтение гениального автора тридцати пяти лет от роду.

Вскоре он послал финальную емелю Киллеру, где тепло поблагодарил за науку и пожелал успехов на радость читателям-почитателям.

Дядя-Колобок не замедлил ответить, написал с очевидной симпатией, что один рассказ выламывается из общего ряда и произвел на него большое впечатление — там, где неприметный герой способен на глубокую драму, рассказанную как анекдот — по-чеховски. Хотя погоды в сборнике этот текст не делает, он с удовольствием рекомендует его в два журнала — либо на Урале, либо в Чикаго, если Л.Н. даст ему знать.

«С чего это мне на рынке вторичным продуктом торговать, Наталья бы не одобрила», — подумал Лев Наумович. И еще подумал, что один из пятнадцати — это почти семь процентов КПД — как у лучших паровозов времен «Хаджи Мурата» — совсем не плохо.

Андрей Коровин

Ты — муравей у вечного огня

* * *

хорошо бы выйти из контракта
на каком-то запасном пути
чтобы потеряться без инфаркта
словно в лес затерянный войти

хорошо устав от жизни длинной
распахнуть таинственную дверь
за которой словно в старой блинной
лучшие друзья сидят теперь

хорошо не дожидаясь края
края жизни или немоты
как дельфины с рыбою играя
выпрыгнуть навеки из воды

* * *

я очень сильно устаю от рыб
от их ночного клёкота немого
от их упругих ненасытных губ
от их в сердцах оброненного слова

они стоят во сне и наяву
смотрители путей моих небесных
и жизнь мою как книжную главу
листают день за днём без интереса

пернатые расправив плавники
они стоят надменно полагая
что люди это просто рыбаки
судьбу мою из кубиков слагая

Коровин Андрей Юрьевич — поэт, критик, издатель. Родился в 1971 году. Автор двенадцати поэтических книг. Президент фонда «Волошинский сентябрь», руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных программ. Живет в Московской области.

* * *

котёнок играет с хвостом
ничто не меняется в мире
на этом ли свете на том
в бараке в общаге в квартире
котёнок играет с хвостом

напомни мы снова живём
влюбляемся женимся плачем
какую-то пищу жуём
какую-то истину прячем
котёнок играет с хвостом

порой в этом мире густом
так пусто что некуда деться
молитвою или постом
не всякое лечится сердце
котёнок играет с хвостом

в Москве Петербурге Париже
в руинах на пляже пустом
то серый то чёрный то рыжий
котёнок играет с хвостом
то дальше играет то ближе

* * *

ты — муравей у вечного огня
у вечного огня земной разлуки
уж сколько их покинуло меня
друзей моих уже не помнят руки

их нежность твёрдость линии плеча
и гребень носа и волос кипенье
любовь всегда горька и горяча
а в вечности уже одно лишь пенье

ты музыкой запомнишься огню
а не стихами взглядами словами
и сколько б ни шептал ты не виню
огонь вины с тобою с нею с вами

* * *

старость проступает обязательно*
крупной солью из морской воды
на лицо ложится по касательной
тенью от полуночной звезды

тянется от глаз морщинок сеточкой
дом паучий строит на лице
падает в стакан воды таблеточкой
с горьким послевкусием в конце

спрашивает у ручного зеркала
но молчит осколок серебра
держится за грудь где всё померкло и
шепчется с Луною до утра

* написано в соавторстве с Александром Кабановым.

Алексей Иванов

Петрович

Рассказ

Петрович, пытаясь, поднимался от Цветного бульвара к Сухаревке. В последнее время в горку ходить становилось все труднее. Особенно с похмелья, в момент выхода из запоя. А именно в этом неравновесном состоянии и находился Петрович. Признаться, Петрович, проснувшись на Цветном, не сразу понял, где он, потом — что за время суток, а был уже вечер, и также — почему именно здесь он оказался. Хотя, честно говоря, все это не очень его занимало. Но беспокоило, пусть и не сильно, что домой надо идти в горку. Одышка.

Петрович огляделся, прикинул, стоит ли двигать к автобусной остановке, но не знал: как он выглядит. Если, как бомж, могут и не пустить. Он пошуровал у себя на голове, — кепка была на месте. Это давало надежду. Петрович поднялся на ноги, доковылял до конца бульвара, стараясь поймать равновесие, не поймал, и вместо того, чтобы повернуть налево, к остановке, повернул направо, соблазнившись, как он себя сам утешил, зеленым светом светофора. Впрочем, по визгу тормозов и страшному мату он понял, что светофор оказался обманкой. Просто в глазах полыхнуло зеленым.

И вот теперь он пытался в гору и уже совсем дошел было до руин бывшего кинотеатра «Форум», как к остановке подкатил новенький автобус, больше похожий на космический аппарат. Аппарат любезно распахнул двери, оттуда повеяло теплом и женскими духами, и Петрович соблазнился. Шагнул не очень твердо на нижнюю ступеньку, схватился за поручень и — дело в шляпе. Едем!

Ехать надо было всего остановочку, но Петрович не удержался и проехал две. Уж больно удобное сиденье было у этого космического агрегата. Две тоже можно проехать, но Петрович, если и пользовался общественным транспортом, то выходил на Сухаревке, посмотреть, нет ли там своих. Своими Петрович считал двух-трех бомжей, что всегда ошивались в скверике у метро, парочку нищих в подземном переходе, бухого Валеру — он стоял у входа в храм Троицы в листах, — да еще побирушку Наталью. Та сидела у колокольни храма и косила под старуху. На самом деле старухой она не была, что успешно доказывала, путаясь с бомжами в сквере. И любила это занятие, потому что, когда бывала при деньгах, ставила бутылку на всю компанию. А одноглазому Семёну отдельно покупала пивка.

Иванов Алексей Георгиевич родился в Ленинграде. Автор трех романов (в т.ч. «Опыт № 1918», — М., ArsisBooks, 2019 — вышедшего в «ДН» — 2017, №№ 5, 6, 7), нескольких повестей и рассказов. Печатался в журналах «Звезда», «Аврора», «Нева» и др., книги выходили в издательствах «Лениздат», «Советский писатель». Живет в Москве.

Петрович, расслабившись от удобств космического транспорта, проехал Сухаревку и собрался было выходить на Спасской, чтобы пройти дворами, как увидел на красном кожаном сиденье золотой смартфон. То есть он не знал, что это смартфон, и не знал, что он золотой, пока не взял в руки. Смартфон был очень увесистый.

Петрович незаметно оглянулся и обнаружил, что он вообще один в автобусе. Скрываться и прятать законную добычу было не от кого. Тем не менее, выходя и уже заранее целясь в темную подворотню, он все еще ожидал окрика или даже подзатыльника с криком: «Куда попёр чужое!»

Прошаркав из подворотни на свет, Петрович внимательно исследовал находку. Сомнений не было. И по тяжести, и по цвету это было золото. Конечно, он ни в жизнь не сообразил бы, что это такое, если б не вчерашний разговор с одноглазым. Тот утверждал, что для крутых олигархов в Саудовской Аравии выпускают специальные золотые «Макаровы» и телефоны. Верить ему не особенно верили, но вот то, что их выпускают в Саудовской Аравии, как-то убеждало.

Петрович, постепенно приближаясь к круглосуточному магазину «Магнолия», забеспокоился. Именно теперь, когда карман приятно оттягивал золотой телефон, встреча с приятелями по скверу, всегда желанная, показалась ему несколько лишней. «Отнимут, падлы!» — крутилось в голове.

— Не отнимут! — шелкнуло там же, в голове, но как бы между ушей.

— Отнимут! — неизвестно перед кем упорствовал Петрович.

— Хочешь, разгонят их сейчас от «Магнолии»?

— Конечно, хочу! — Петрович уже не раздумывал, с кем разговаривает, а просто смотрел, как к приятелям, кучковавшимся возле освещенного входа в магазин, подъехал ментовский «газон» и два сержанта мигом упаковали трех бомжей.

Бывают, конечно, совпадения. Редко, но бывают.

А идти в магазин было необходимо: изнутри поднималась жажда. Конечно, если вы не выпивали с друзьями с раннего утра сначала боярышник, потом какие-то фарфурки, потом щедрый малый, которого вывели из чебуречной на сквере (в чебуречной не любили скандалов), угощал компанию пивом, потом... потом одноглазый подрался с Сашкой Сарычом... нет, с Сашкой подрался он сам, но перед этим тоже что-то выпили... Конечно, установить точно, что и с кем пили, уже не представляется возможным, тем более что Сашка двинул кулачищем именно в то болезненное место, которое было разбито еще вчера, скотина. Словом, если вы однажды не проснулись поздним вечером на скамейке Цветного бульвара после тяжелого запойного дня, вам трудно будет понять, что такое жажда.

А так хорошо все начиналось: пошли всей компанией к узбеку Мюрату. Его, узбека, брат держал ларек на Цветном. И от ларька нечасто, но иной раз перепало неплохо. Бывала даже закуска к пиву в виде протухшей скумбрии. От этого запаха шарахались не только кошки, а даже крысы. Но компания скумбрию все равно ела. Под прокисшее и исходящее кислой пеной пивко скумбрия была в самый раз.

Может, именно после этого пива со скумбрией Петрович и отрубился, заснув на скамеечке. Хотя, кажется, они еще ходили куда-то в район Колобовских переулков и там что-то пили. Вот, пожалуй, от этого «чего-то» с 1-го Колобовского и началась дикая, нескончаемая и непобедимая похмельная жажда. А иначе — с чего?

В «Магнолии» же работал один... ну тоже киргиз или узбек, кто их там разберет, так он иногда пользовался логовом Петровича, чтобы поиметь тоже узбечку или таджичку из их же магазина. Та была у него в подчинении, и он ей позволял кое-что из магазина таскать в ее многочисленную семью. «Конечно, киргиз этот или узбек может и не дать пива... но попробовать надо!» — с этой мыслью Петрович направился к магазину, но тот же голос между ушей сказал: «Не надо!»

— А как же? — в некоторой растерянности отозвался Петрович.

— Что бы ты хотел выпить? — несколько мечтательно поинтересовался голос.

Афанасий Мамедов

ДЗЭН в городе N

Рассказ

Памяти Олега Павлова

В подобных случаях она вызывала меня к себе, а тут вдруг сама нанесла визит: шла к ответственному секретарю — ее кабинет следующий — и заглянула...

Когда вошла, я как раз расслаблялся в кресле: потягивал кофе, слушал Сержа Генсбура, курил и смотрел на дверь сейфа, набитого бумагами с печатью журнала «Ноябрь»: за целый день я так и не удосужился открыть его, хотя намечалась сдача номера.

Я привстал, вырубил Генсбура, рубашку застегнул на пуговицу выше.

Рахметова ценила мою деликатность, в ответ проявляла свою, правда, выходило у нее это временами так, что настораживало меня.

— Сидите, сидите, — сама села на край кушетки, доставшейся мне, как и многое в кабинете, от предыдущего исполнительного директора.

Спина, на которую она частенько жаловалась журналу, сейчас была прямой, как натянутая струна.

Салонно забросила ногу на ногу, покачала мыском полусапожка, нацеленного в сторону отопительной батареи. Мадам де Мертей.

Это я ее про себя так называю, на самом деле, конечно, цели нашего главного редактора и г-жи де Мертей-Лакло не совпадали — ну, насколько мне было известно — однако взгляды на жизнь, подход к людям...

Самое интересное, что я Рахметовой симпатизировал, отчасти конечно; например, мог в девяноста случаях из ста угадать, в какой из четырех дней рабочей недели она вызовет меня к себе проверить документацию и сообщить какой-нибудь околотературный секрет, который давно таковым не являлся, но с ее подачи, в ее кабинете, на фоне сброшюрованных за восемьдесят лет томов «Ноября», приобретал ту несомненную остроту, что так щекочет ноздри узкому кругу посвященных.

Итак, Рахметова сказала:

— Сидите, сидите... — и с прищуром взглянула на часы, висевшие над моим столом: висеть-то они висели, но не шли столько времени, сколько я здесь работал.

Я опустился в то же самое расхлябанное кресло, в пахи которого за два года успело просыпаться немало служебного пепла, и подумал, чего же такого завершающего не хватает в облике главного редактора.

Мамедов Афанасий Исаакович — русский писатель, журналист, литературный критик, лауреат литературной премии им.Юрия Казакова (2007, рассказ «Бекар»), премии им.И.П.Белкина (2010, повесть «У мента была собака»), финалист литературных премий «Русский Букер» (роман «Фрау Шрам»), «Книга года», «Ясная Поляна», «Чеховский дар», премии им.И.А.Бунина и ряда других.

— Хотите поехать в командировку?

В каких-то случаях она избегала называть меня по имени: то ли я еще не дорос в ее глазах до партии вольтерьянцев, то ли таковая партия существовала не для меня.

Смотрит поверх очков, как умеет лишь она, — ласково, надменно и уничтожающе. Понимаю Пашку Белицкого¹, нашего заведующего отделом прозы, когда он перед каждой редколлегией заправляется «Топазом» из стограммовых стаканчиков.

Возможно, я излишне напрягся: пауза могла быть короче.

— Поедете от Филипповского фонда, — сказала она, будто дело было уже решенным. Назвала провинциальный город, в который требовалось съездить на пару дней. — С Олегом Павловым. У вас же с ним неплохие отношения.

— Вполне, — я решил не вдаваться в подробности: из всех, с кем я мог бы поехать, Павлов — не худший вариант.

— Ну так вот, расскажете о нас, о том, что нового происходит в современной литературе, наберете рукописей тамошних писателей. Не забывайте о корпоративной этике, — с недоверием взглянула на заглохшие часы, — и не стесняйтесь, не стесняйтесь, берите побольше рукописей молодых авторов. Здесь разберемся, отсеем совместными усилиями, если понадобится, — приведем их в порядок, опубликуем... Нужно почаще открывать новые имена. Понимаете? — я кивнул. — Поставьте же вы наконец батарейку в эти часы и откройте форточку, впустите свежий воздух.

Где она нашла свежий воздух в двух шагах от издательского комплекса «Правда»?

Лариса Федоровна встала, подошла к столу. Пролистнула мою настольную книгу — «Плоть и кость дзэн». Из сборника посыпались закладки из конфетных оберток. Рахметова извинилась.

Я сказал:

— Ничего страшного, все равно я эту книгу знаю наизусть.

За открытой дверью мелькнула тень.

— Андрей Николаевич, Андрей Николаевич, вы к Инессе Владимировне?..
Погодите, я тоже...

Наконец-таки я понял, чего сейчас не хватало нашему главному: длинного мундштука на предельном отлете. Вышла бы, как на портретах Юрия Анненкова.

Утонченный запах духов, рассыпанные по столу закладки, еще какое-то время напоминали о ее набеге, и рука сама собой тянулась к «Голуазу».

Павлов правда был не худшим вариантом. Он работал в «Ноябре» на удаленке: добросовестно прочитывал самотек. Приходил в журнал раз в месяц. Вываливал из большой спортивной сумки рукописи. Немного говорил с нами о качестве присылаемых ему текстов, после чего мы пили кофе — или не только кофе — в специальной, оборудованной для гостей журнала комнатке.

Если я оставался в ней наедине с Павловым, беседа шла натужно. (Возможно, тому причиной было эссе Олега «Господин азиат», касавшееся не столько даже экзотичности моей прозы, сколько экзотичности моих жизненных предпочтений. Меня его эссе не задевало никак, Олег, напротив, был уверен в обратном.)

Я не представлял себе, о чем мы с ним будем говорить в командировке: он образцово русский писатель, я — показательно *не русский*, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. За ним стояли Александр Солженицын, Георгий Владимов, Виктор Астафьев, за мной — Иосиф Бродский, Сергей Довлатов и «Плоть и кость дзэн». Кстати, к вопросу о национальном.

¹ Павел Белицкий (1968—2013) — поэт, критик, в прошлом сотрудник «Независимой газеты», долгие годы заведовал отделом прозы журнала «Октябрь», участник поэтического объединения «Алконостъ» (прим. автора).

Олег Павлов

Письма Марку

Олег Павлов и Марк Авербух познакомились в 2003 году на Франкфуртской книжной ярмарке — и около десяти лет состояли в плотной переписке. Марк — бывший харьковчанин, живущий с 1979 года в США — сам называет себя «запойным и одержимым читателем». Для российских писателей он основал небольшой грант имени Анны Хавинсон — рано ушедшей из жизни сестры его жены, которая была, по словам Марка, очень добрым человеком, всегда готовым прийти на помощь. Одним из первых этот грант получил Олег Павлов — и с благодарности за поддержку начинается его первое письмо.

Примечательно, что примерно в тот же период Марк вел активную переписку с писателем Сергеем Николаевичем Есиным, она опубликована в 2009 году отдельной книгой издательства Terra-Super — «Случайная закономерность. Сергей Есин — Марк Авербух. Межконтинентальные разговоры». Пожалуй, Марк стал подвижником эпистолярного жанра в нашем электронном мире.

Свои письма Олег собрал в отдельную папку «Письма Марку». Здесь размышления об искусстве, о литературе, о жизни, о политике, о «еврейском вопросе». Можно сказать, это некий дневник, адресованный конкретному человеку — и всем, кому это интересно.

Л.П.

2 декабря 2003 года

Здравствуй, Марк!

Я благодарен вам за помощь, от которой не откажусь и в которой особенно теперь даже нуждаюсь, потому что сижу в долгах. У меня обнаружили диабет, уже во Франкфурте я что-то такое чувствовал, но не понимал, что это. Думал, просто утомление временное, но уже в очень плохом состоянии месяц назад попал в больницу, после чего забыл обо всем, кроме болезни. Сейчас я на ногах, отделался без серьезных осложнений, пока что достаточно таблеток и диеты, привыкаю жить с этой болезнью. Мы сделали много долгов — а ни переводов, ни изданий новых так и не удалось мне добыть, поэтому все последнее время я думаю только о деньгах, как их достать и облегчить сегодняшнюю нашу жизнь. Должен сказать, что ваше предложение теперь освобождает меня от этих мыслей, так что я могу прийти в себя и начать спокойно работать. Думаю, этого вы и хотели бы — а я, если бы и смог принять такую помощь, то только от друга. Я представляю вас именно своим другом, друзьями я оказался богат, Бог всегда посылал мне в помощь надежных и почему-то любящих меня людей, хотя я сам вряд ли могу быть для кого-то опорой в том же смысле. Спасибо

Наталья Рапопорт

Набережная исцелимых

Хроника венецианского карантина

10. Снимаем выставку

Вернусь теперь к зловещим событиям середины и конца марта. Эпидемия коронавируса в Северной Италии развивалась стремительно. Девятнадцатого марта в Бергамо пришлось послать армию, потому что город не справлялся с количеством умерших; кладбища были заполнены до отказа, трупы вывозили ночью на армейских грузовиках в соседние городки и крематории. В провинции Венето тоже было несладко, хотя и не до такой степени. Каждый вечер меня мучили панические мини-атаки; каждое утро я просыпалась с мыслью — мне подарен еще один день — и спешила проверить близких. Изматывает страшно.

В этой ситуации, как только у Вики появилась возможность передвигаться, мы начали опять думать об отъезде. В Америке тогда еще не было случившегося позже апокалипсиса, но в отличие от американского руководства мы ясно сознавали, что это затишье перед неизбежной бурей, и хотели добраться домой, пока эта буря не грянула.

Первоначальное закрытие Италии на ключ заканчивалось третьего апреля, и мы надеялись, что с четвертого у нас появятся шансы на отъезд. В связи с этим опять встал вопрос о Викиных гравюрах, все еще висевших на стене в запертой галерее, так и не принявшей ни одного посетителя. На этот раз Вика сама предложила нам с Володей принять участие в снятии и упаковке гравюр, понимая, что хромоту человеку справиться с этой задачей будет нелегко. Школа графики пошла Вике навстречу и прислала по электронной почте справку с печатями, удостоверяющую, что ей необходимо попасть в Школу. У нас с Володей оправдательной справки не было, но я собиралась в случае чего тыкать пальцем в Викину хромоту в лангете и объяснять жестами, что мы — группа поддержки инвалида.

Трудно себе представить худший день, чем тот, что мы выбрали для такой поездки. Двадцать шестого марта дул шквальный ледяной ветер и время от времени хлестал дождь. Когда мы вышли из дома, даже Вика усомнилась, стоит ли нам идти дальше, но тут я дала маху, опасаясь, что другой раз мы можем не получить приглашения на совместную поездку. Сумка на колесиках парусила под порывами ветра и вырывалась из рук, готовая взлететь; выпрошенные в супермаркете коробки

Елена Твердислова

СВЕТ — ТЬМА — ЗВЕЗДА...

Коды фотографичности в поэзии Бродского¹

Визуальность поэтики Бродского — факт известный и неоспоримый. Однако в ее палитре много составляющих: есть экфрасис с его сосредоточенностью на художественной изобразительности текста², и есть заметно выступающая в его поэтических текстах фотографичность, которую осознавал прежде всего сам поэт: «Хорошее стихотворение — это своего рода фотография, — писал он в предисловии к изданию на английском языке антологии русской поэзии XIX века. — Соответственно, — поясняет он, — хороший поэт — это тот, кому такие вещи даются почти как фотоаппарату, вполне бессознательно, едва ли не вопреки самому себе. Стихотворение, конечно, должно запоминаться, однако помогает ему закрепиться в памяти не одна лишь языковая фактура» (7, 100. Перевод Льва Лосева)³. Не менее значима и фактура визуальная: «Стихотворенье/ пусть радуется собой/ хотя бы зренью» (2, 54).

Здесь нельзя не отметить, что Бродский, сын фотографа, был сложившимся профессионалом и даже работал фотографом в бытность свою в ссылке. Однако если в своих стихах сам он — фотограф и фотоаппарат со всеми присущими этой области свойствами, то про экфрасис никак не скажешь, что здесь он одновременно художник, полотно и карандаш, хотя его наброски очень выразительны. Его *текстовое фотографирование* — не предмет искусства, а объект мышления, глаза, языка и слов, найденных через смотрение на пути формирования мысли. В данном случае мы имеем дело не с актуализацией поэтического языка, средствами которого выражаются впечатления от увиденного полотна, — будь то через настроение, размышление, воспоминание (эволюция — «победа воспоминаний над действительностью», 4, 50) и т.п., а с актуализацией процесса смотрения, которое своим действием пробуждает мысль к движению.

В восприятии Бродским живописи есть некий факт культуры и диалог с ней, что отличает изобразительный экфрасис у Бродского от фотографического. *Фотоснимок* представляет собой в данном случае «чистое событие», с эмбрионом мысли внутри, то есть факт действительности, выраженный метафотоязыком в его первозданном, изначальном виде.

Рассматривая как *фотоснимок* поэзию Бродского, мы исходим из того, что она не зашифрована под фото, наоборот, ее можно рассматривать в категориях фотопроцедур

¹ Елена Твердислова — поэт, литературовед, переводчик с польского философии и поэзии (Иоанна Павла II, Ю.Тишнера, Р.Ингардена, К.Михальского, М.Скварницкого и др.), автор четырех книг прозы, трех книг стихов, свыше 100 статей о русской философии, а также о В.Гавеле, Ч.Гусейнове, Вл.Соловьёве, И.Бродском. Публикации в России, Польше, Израиле, Америке, Турции.

и в любых проявлениях фототехники — фотографирование, фотомонтаж, панорама, портрет, ломографирование, — позволяющих схватывать кусок подлинной жизни, не придерживаясь правил... Технике стиха Бродский всегда уделял внимание, подчеркивая важность для поэзии выстраивания ритмики и графики стиха, рифмы, формы, внутри которой спрятана кажущаяся бесформенность. Фотографический подход помогает увидеть стихотворение как конструкцию, текстовый фотоснимок, и при всей схожести его стихов эти модели не повторяются.

Фотографическая вербальность в поэзии Бродского, которая зримые образы и виды перевоплощает в слова и выражает словами, помогает раскодировке *снимка*, когда через увиденное, услышанное, прочувствованное открывается путь к выявлению мысли, обнаруживая спектр разнообразия слов-понятий-символов, используемых Бродским от отдельных предметов до природы, космоса, вселенной; свойственные ему пространственно-темпоральные смыслы, роль звуко-слуховых эффектов, никак на первый взгляд не связанных с *фотографированием*, но тем не менее обусловлены его *процедурами*.

Присутствие фотоаппарата, нераздельность с ним ощущается везде, либо метафорически, либо реалистически, с вполне конкретным указанием: «и времени дарил мой "Фед" наш облик» (2, 55), «Вручи вознице свой сверхзоркий Цейс» (2, 81) или «Блокнот и Цейс в большую сумку спрячь» (2,84).

Щелчок, поймавший момент, — действие зрачка, побуждающего глаз к «схватыванию» того, что ему предстало: «И образ твой — фотографа момент» (1, 163), — писал поэт в поэме «Зофья», одном из первых сочинений, где прослеживается линия движения от глаза, через взгляд в окно, затем в зеркало, в поиске отражений, дающих возможность постигать мир и себя в нем. Глаз, зрачок, хрусталик, сетчатка, даже слеза — «ассистенты» поэта- фотографа: «синий зрачок полощет/ свой хрусталик слезой, доводя его до сверканья» (3, 227); «хрусталик на уменьшенный масштаб/ вниманья не успеет обратить (...);» «Лишь хрусталик тускнеет» (3, 249); «На сетчатке моей — золотой пятак./ Хватит на всю длину потёмок» (3, 232). Глаз научился «вооружаться слезой» (2, 384). Глазу Бродский отдает всю силу восприятия, у него и глазницы способны запечатлеть: «череп Аргуса, в чьих глазницах/ облака проплывают, как память о бывшем стаде» (3, 228); А все вместе: фотограф-глаз-хрусталик-сетчатка — составляют взгляд, зрение: «Взгляд, острее, чем игла» (1, 139).

С увиденного (и услышанного — звуки в его поэзии не менее значимы) начинает конструироваться текст, обнаруживая мироощущение, социально-психологическое и эмоциональное состояние, правила образности, глаз схватывает вещи реалистично, что способствует проявлению внешней среды — видимой, кажущейся, вспоминаемой или мечтаемой. Человек постигает себя дома и за пределами дома, окна, реки, выходя к океану, глядя на архитектуру городов и улиц как на случайных попутчиков, ставших такими же случайными свидетелями опять же случайного со-бытия. Некий процесс пробуждения, иногда в прямом смысле и с оттенком легкого нехотения: «неохота вставать. Никогда не хотелось» (3, 137). Всё стихотворение, начиная с первой строки: «Тёмно-синее утро в заиндевевшей раме», — целиком соответствует конструкту Бродского о *нырянии в мир* вопреки собственному желанию. Системный поток поиска слова как составляющего мысли в ее первоначально визуальном проявлении.

Задача, которую ставил себе поэт, была не из простых: запечатлеть не только состояние человека, пребывающего в «молчаливом пейзаже», но и как это состояние преодолевается. Одним из наиболее сильных «орудий производств» у Бродского был свет — многосложная и многоступенчатая категория: творческая, экзистенциальная, психологическая, визуальная, фотографическая, метафорическая. Без него не возникнут фотографии, даже если он — тьма или тень, которую дает свет, лучащийся сверху, тогда как тень будет метаться «от рая к аду» (2, 162).

1. Свет — творческое перо

Свет — главное творческое перо в поэзии Бродского — выступает в разных ипостасях: как физическое явление (электрический свет, реклама, солнечный, лунный), как символ, метафора, декоративный элемент, а всё вместе — источник жизни, ясность, обретенность. Свет явствует, а темнота преодолевается. От света зависит, получится ли вообще *фото*, он — определитель *снимка*, в котором и за которым скрыта мысль. Фотографичность — лишь форма, даже, может быть, жанр или средство со своими правилами-процедурами. Подход к поэзии Бродского с таким измерением при всей своей точности, с учетом участия света, объектива, его разнообразных возможностей и т.п. — не объясняет, а даже упрощает его стихотворение, если не принять во внимание, что здесь сама форма становится неким закрытым пространством, куда — как струя свежего воздуха — влетает мысль. Без таковой предварительной подготовки ей не состояться: мысль порождается и одухотворяется обстановкой:

Во время ужина он встал из-за стола
и вышел из дому. **Луна светила**
по-зимнему, и **тени** от куста,
превозмогая завитки ограда,
так явственно **чернели** на снегу,
как будто здесь они пустили корни.
Сердцебиенье, ни души вокруг.

Так велико желание всего
живущего преодолеть границы,
распространиться ввысь и в ширину,
что, **стоит только выглянуть светилу**,
какому ни на есть, и в тот же миг
окрестности становятся добычей
не нас самих, но **устремлений наших**.

(3, 37; выделено мной. — Е.Т.)

Сразу вспоминаешь, что предтечей фотоаппарата была камера обскура — «тёмная комната» (если с латинского), откуда шел свет. Не случайно первые фотоаппараты и даже фотоателье называли в России «светописью». «А в действительности — это некий рисунок светом, светопись — ключевой момент фотографии, поэтизирующий ее, его очень трудно зафиксировать» (из разговоров с фотографом Галиной Зерниной). Освещение бывает естественное, когда оно дневное, и рассеянное, но многое зависит и от чувствительности фотокамеры к свету. Используя блики, падающую тень от рамы, играя отражением, поэт не просто понимал их значения, он их ощущал текстологически, художнически и старался сохранять в себе способность светочувствительной пленки («Горный пик, доступный снам,/ фотоплёнке, свалке туч», 3, 266), чтобы запечатлеть представшее глазу, иначе мысль не откроется. «Всё это — аллегория. Он прав:/ всё это линза, полная лучами,/ пучком собачек, ласточек и трав» (2, 156). Вот еще почему предпочтение отдается жизни «в рассеянном свете», представляющем собой легкий намек на нечто, без грубости, пошлости, в невесомости и тишине: «Ах, при таком освещении вам ничего не надо!», — ибо тогда «очертания вещи» взрываются, а «холод/ демонстрирует качества силуэта» (4, 22), и в отличие от привычного света в комнате — родного и близкого, «улицы освещены ярким, но посторонним,/ светом» (4, 30). За окном чужой мир. Чувствительность фотокамеры не была просто механической функцией, ей ли передавалось от Бродского или ему от нее, но чувства, как чувствительность фотокамеры, не были в его поэзии

Евгений Абдуллаев

Быть старым китайцем

Сложный год: выходит книга и окунается в тишину. Ни презентаций, ни вообще литературных сходов, где можно кому-то подписать-подарить. Если автор активен в соцсетях, он, конечно, потихоньку о ней возвещает. То обложку запостит, то отрывки какие-то. То адресок книжной лавки, где приобрести можно («...говорят, всего несколько штук осталось!»). Да-да, уже побежали...

Алексей Алёхин к этой категории не относится. Хотя четверть века только и занимался тем, что помогал стать услышанными чужим стихам.

Его новая книга вышла и окунулась в тишину.

И это, наверное, хорошо: она наполовину из нее сделана. Из тишины, из пауз.

Это тихая поэзия.

Лирический герой Алёхина — немногословный, неторопливый наблюдатель. Торопиться ему, собственно, некуда. Все равно не успеешь; да и зачем? Предыдущая книга Алёхина завершилась коротким стихотворением «Оставшийся пассажир»:

все зашли в XXI век

а я тут
стою один

и озираюсь

Это не жалоба и не декларация некой своей старомодности.

Это опыт отстраненного взгляда, *другого* взгляда. Даже если войти в «дивный новый мир» вместе со всеми, ничего бы не изменилось. Например, в стихотворении «Ной» из нового сборника — ситуация вроде бы противоположная. Ной — не оставшийся и не оставленный. Создал ковчег, спасся, спас ближних. И тем не менее.

сидит на холме
и смотрит вниз на замусоренную долину
в лужах и перевернутых камнях

в коричневой тюбетейке
в голубом бедуинском халате на голое тело
с догорающей сигареткой в жёлтых пальцах

седые поределые космы
треплет тёплый ветерок

слышен смех

Сим с Иафетом обнаружили игру
в монополию
в вытащенном из трюма рундуке

сидит и смотрит

«Они не понимают. Всё утонуло»

«В стихах Алёхина с читателем всегда говорит зоркий рассказчик», подметил Дмитрий Бак («Октябрь», 2009, № 5).

Насчет «зоркости» — абсолютно точно. Насчет «рассказчика»... Алёхин ничего не рассказывает — он смотрит и думает. Это очень визуальная поэзия, хотя эта визуальность не имеет ничего общего

с завороченностью видимым, с фотографическим смакованием деталей.

Это попытка думать глазами.

Кстати, по первому своему образованию Алёхин — оптик. «Учился на оптико-механическом факультете Московского института инженеров геодезии, аэрофото-съемки и картографии», как сказано в его кратких биографиях.

Поэзия Алёхина возникла где-то на стыке первой волны русского верлибра (Айги, Бурич, Метс, Куприянов...) и минимализма (Ахметьев, Макаров-Коротков...).

Было, возможно, и влияние дальневосточной поэтической традиции — китайской и японской (около полутора лет Алёхин прожил в Китае).

И библейская тема, парадоксально сочетающаяся с ней.

Кажется, холм, на котором сидит Ной, глядя на долину, написан китайской тушью, а у самого Ноя — лицо китайского мудреца.

Один из них, Ван Вей — поэт, каллиграф и философ — тоже присутствует в новой книге. Тоже, как и Ной, сидит в старом халате, тихий и посторонний для мира. Называется стихотворение «Выключил радио и припомнил Ван Вея»:

сегодня вдруг
я почувствовал себя старым китайцем

в лачуге над речным перевозом
в бедном халате

пью чай из красивой чашки
с отбитым кусочком

запер веткой калитку
от дурных новостей

И еще — в этой книге, как ни в одной из предшествующих, присутствует тема старости.

Лет восемь назад Сергей Чупринин предлагал мне написать статью о поэтической старости. Тогда я этой идеей как-то не вдохновился. Теперь, сам начав «золотиться листвою», думаю об этом все чаще.

Старость в поэзии может присутствовать и как тема, и как особенности техники.

Как тема она может быть даже не связана напрямую с возрастом автора. Как это было, опять же, в классической китайской поэзии. «Поэт объявлял себя старцем в сорок лет... Поэтическая старость человека, полного сил, находящегося в духовном расцвете, позволяла поэту говорить о собственном своем приближении к смерти и о тяготах одряхлевшей плоти без трагизма сопричастности. Возникла поэзия старости, в которой жалобы были «эстетизированы», а на их фоне шли размышления о сути жизни и предназначении человека»¹.

Тема старости — независимо от того, когда она возникает в стихах (в сорок, пятьдесят, семьдесят...) — это опять же возможность иного взгляда. Умудренного, фиксирующего хрупкость и быстротечность сущего. «К старости зрение замещается памятью/ диоптрия за диоптрией». Эту возможность — зрения памяти, памяти зрения — Алёхин использует предельно полно. Его книга населена отслужившими свой век вещами: шкафами, пианино, старыми автомобилями «с никелированным ободком вокруг фар/ и оленем на капоте»; старыми людьми и даже состарившимися ангелами.

первый жёлтый лист можно поднять рукой
как упавшую салфетку

приставленный к тебе сызмальства
старый ангел
кряхтит

у него ломит крылья к дождю

Оптика старости тесно связана и с особым стилистическим регистром.

«...Графичность, детализация рисунка, камерность при склонности к умозрительному, отвлеченному складу мышления — таковы, по-моему, отличительные признаки старческой манеры

¹ Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит-ра, 1977. С. 200.

Александр Евсюков

Книга прощения

Этот вопрос давно не давал мне покоя. Как говорить о времени, которое для одних история, для вторых тяжелая травматичная эпоха, из-под бремени которой непросто выбраться даже спустя десятилетия, а для третьих — незабываемое время юности, полное первых открытий, надежд и разочарований? Как говорить, чтобы каждый имел возможность откликнуться?

Очень эффективным способом преодоления такой исторической дистанции оказалось погружение читателя в конкретный момент времени. Погружение, близкое к прямой трансляции происходящего, где обязательным финальным аккордом звучит напоминание о дальнейшей счастливой или несчастливой жизни героев, всего одним-двумя яркими штрихами — о всех последующих двадцати, тридцати или большем количестве лет (если, например, речь зашла о детстве родителей рассказчика). Такое возвращение из относительно недавнего прошлого через лаконичные выразительные свидетельства о судьбах сверстников либо через точный и здравый вывод: «Это был самый дорогой подарок, который сделала мне родина» (о музыкальном центре в коротком рассказе «Моя приватизация»).

Эта книга — третья у Евгения Сулеса. Он дебютировал в 2012 году с весьма объемистым сборником рассказов и повестей «Сто грамм мечты», получившим

благожелательные отзывы (особенно они касались малых форм) и вошедшим в длинный список «Большой книги». Следующим этапом пять лет спустя стал роскошно изданный путеводитель «Мир виски и виски мира», в который также были включены несколько художественных рассказов. И вот перед нами «Письма к Софи Марсо» — книга гораздо более аскетичная, продуманно выстроенная и при этом прочувствованная в каждой фразе, каждом кадре и музыкальном аккорде, которые видятся и слышатся за словами.

Я вовсе не случайно упомянул о кино и музыке — книга напитана и пронизана ими, начиная с названия. «Это моя тарковская „Ностальгия“, феллиниевский „Амаркорд“, тарантиновское „Однажды в Голливуде“», как признался сам автор. И потому всюду здесь — цветущая сложность жизни, выраженная с подкупающим обаянием и тонким психологизмом. Однако эта содержательная сложность у Евгения неизменно предпочитает внешнюю простоту выражения. Как верно заметил Леонид Костюков: «Проза Евгения Сулеса современна по энергетике, темпу и ритму. Но, что еще важнее, оставаясь современной, она практически полностью избегает искушений модернизма и элитарности. Эти рассказы подлинно демократичны — что обеспечивается искренним интересом автора к другим людям, и не поддается имитации».

Многие из этих историй исполнены внутреннего драматизма. Скажем, открывающие книгу рассказы настойчиво

Евгений Сулес. Письма к Софи Марсо. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2020.

Александр Чанцев

Рейволюция против современного мира

Игорь Шулинский, в прошлом главный редактор «Птюча» (хотя тут прошедшее время не очень выговаривается, слишком мощен кильватерный след этого издания), а ныне «Москвич Mag», с группой заинтересованных товарищей в лице Ильи Бражникова, оригинального писателя и по совместительству доктора филологических наук, и других примкнувших, продолжают благое дело, начатое в предыдущем выпуске своего детища, в 2017 году¹. А именно — выводят из тени забытых авторов 90-х (и не только, тут временная координата растягивается иногда от Лианозовской школы до современных рассказов о протестных акциях), изданных, но забытых, а чаще не изданных или же, что тоже бывает, оставшихся в памяти чем-то другим (живописью ли, хипповскими приключениями на дороге ли). И делают это Шулинский и Ко очень интересно. На грани между академическим изданием (редкие авторы, архивная работа, предисловия составителей, комментарии) и — моднейшим глянцевым изданием (верстка, иллюстрации, вертикальный текст и так далее напоминают тот же «Птюч», а стоит, сейчас посмотрел, все это великолепиие в «Москве» почти 4 — прописью — четыре тысячи рублей).

Литературно-художественный альманах «Невидимки», № 2. — М.: Книжные сети, 2019.

¹ За, скажем так, не очень большим количеством критических отзывов отошлю к собственному: *Чанцев А.* Теплый холод // Дружба народов. 2018. № 5 (<https://magazines.gorky.media/druzhba/2018/5/tyoplyj-holod.html>).

Тенденция «возвращения имен», кстати, в последние годы не единичная — так, поэт и культуртрегер Борис Кутенков, тоже с группой единомышленников, сериально издает «Антологию литературных чтений “Они ушли. Они остались”», где публикует рано умерших поэтов, и широко известных (Башлачёв, Аронзон, Рыжий), и тех, от кого, как, скажем, умершего еще студентом Николая Полетаева, осталась лишь тонкая стопка тетрадей. Дело это крайне благое. Ведь не только ушедшие получают, хоть и с сильным опозданием, в духе нашей почты, дань, но и мы становимся обладателями необычных свидетельств странных эпох. Будто кладовку или чердак разгрести на карантине стали и нашли свои школьные тетради, фотографии родителей, бабушкино-дедушкинские треугольники писем с фронта.

Что же ждет нас в этом томе? О, богатейшее меню. Например, рисунки Евгения Кроповницкого, поэта, лидера Лианозовской школы, композитора, художника — очень необычные наброски карандашами, ручками и фломастерами. Так рисовали дети, правда? Но не все жили в настоящем бараке, не все начинали еще с нашими признанными футуристами. Которых — важное наблюдение из предисловия Светы Тень к публикации — засосал потом тоталитарный дискурс. А Кроповницкий, как ушел тогда еще от какого-либо признания, так и остался — независимым, на обочине, в своем Лианозово(е).

Или проза художника Аркадия Насонова, члена обществ «Облачная комиссия», «ТАРТУ» (тема предыдущего

Евгений Абдуллаев

Безымянная поэзия

Продолжаем подводить литературные итоги десятилетия. Точнее, итоги итогов — держа в поле зрения нынешнее бурное итогоподведение.

На сайте «Текстура» провели интересный опрос: «Поэт десятилетия»¹.

Марина Кудимова назвала Дениса Новикова, Ольга Балла — Богдана Агриса, Алексей Чипига — Дмитрия Гаричева... Интересен этот опрос, однако, не столько тем, *какие* имена были названы², а тем, *как* они были названы. На двадцать опрошенных — всего два поэта, чьи имена прозвучали дважды: Василий Бородин и Александр Кабанов. Все остальные прозвучали, как одиночные выстрелы. Думаю, опроси «Текстура» не двадцать, а двести литераторов, мы бы получили, если не двести «поэтов десятилетия», то что-то около этого.

Видно, как для большинства почти физически затруднительно назвать какое-то имя. Если и называется, то с целым букетом оговорок: «“Поэт десятилетия” — наименование странное...» — «Выбор “поэта десятилетия” именно сейчас кажется скорее игровым...»

Александр Скидан вообще отказался отвечать, заметив, что «поэта десятилетия» сегодня быть не может, «строгая иерархичность давно распалась вместе с нормативной поэтикой».

Я бы, наверно, ответил так же. Разве что чуть поосторожнее насчет распада иерархичности. Иерархия присутствует, пусть и не в столь проявленном виде, как прежде. Но об этом — как-нибудь в другой раз.

Отчасти, конечно, дело в том, что настоящий поэт не может быть «поэтом десятилетия» (о чем напомнил Юрий Казарин). Прав и Ростислав Амелин: «Любой поэт на самом деле должен считать поэтом десятилетия себя, а если нет, это говорит о том, что он (или она) недостаточно вкладывался и жертвовал для поэзии... По идее нужно спрашивать о поэтах десятилетия тех, кто не является поэтом».

Впрочем, уже спрашивают.

Список «20 самых читаемых поэтов» составил по результатам опроса своих читателей журнал «Просодия»³. Девяносто процентов, понятно, заняли классики.

¹ Гуманитарные итоги 2010—2020. Поэт десятилетия. Ч. 1-2 // Сайт «Текстура». 25 сентября 2020 г.; 3 октября 2020 г. (<http://textura.club/poet-desyatiletija/>; <http://textura.club/poet-desyatiletija-ii/>).

² Считает, скажем, Елена Зейферт «поэтом десятилетия», «проложившим один из магистральных путей, по которому движется современная поэзия», Аркадия Драгомощенко — ее право, дело вкуса. (На мой взгляд, если какой-то путь и проложил, то, скорее, тупиковый — что, естественно, не мешает кому-то старательно в этом тупике буксовать...)

³ Козлов В., Медведев С. Самые читаемые поэты глазами клерка, студента и литератора // Prosodia. 2020. № 13. (<https://prosodia.ru/catalog/shtudii/samye-chitaemye-poety-glazami-klerka-studenta-i-literatora/>).

Из тех, кого можно условно назвать современными — Дмитрий Быков, Эдуард Асадов и Борис Рыжий. Там же для сравнения — топ из тридцати поэтов по результатам анализа поисковых запросов (wordstat.yandex.ru). В нем среди современных топ-стихотворцев кроме Быкова, Асадова и Рыжего — Игорь Губерман и Вера Полозкова.

Топ-поэзией у массового читателя оказывается поп-поэзия. Нормально и естественно.

И все же разброс поэтических имен, как внутри литературного сообщества, так и между литсообществом и массовым читателем, заставляет задуматься¹. Ни там, ни там не прозвучали имена тех, кого можно условно считать живыми классиками. Кушнера, Чухонцева, Гандлевского... Случайность? Но нет их вот уже второй год и в премиальных списках «Поэзии» — хотя продолжают и писать, и публиковаться. Классики есть — но в списках не значатся. С другой стороны, не названы и поэты, вроде бы активно пишущие для массового читателя, в расчете на широкий отклик — Родионов, Иртеньев, Емелин, Караулов...

Дело, по-видимому, не в самих списках и методологии их составления. Дело в эволюции, которую претерпела в 2010-е сама фигура поэта.

Об этом довольно точно написала в своей недавней заметке на сайте «Литература» Евгения Вежлян². О «деавторизации» читательского восприятия поэзии, превращении имени автора в «нечто вроде названия плейлиста». О том, что в эпоху «цифрового ускорения» происходит перенос внимания с фигуры поэта на стихотворение. Отсюда и «превращение иерархичной и монументальной премии “Поэт”, в точности воспроизводящей модерную конфигурацию авторства и роль поэта в ней, в премию “Поэзия”, смещающую акцент с автора на текст, им написанный».

Было бы странным, если б я начал с этим спорить. Сам еще в середине нулевых писал о необходимости смены читательской оптики, с поэтов — на стихи. «Кто и когда их написал — вторично, важнее что и как написано. Фамилия автора — скорее, отвлекающая строчка, для чего-то набранная жирным шрифтом...» («Арион», 2007, № 4). В начале десятых к этой же мысли пришел Артём Скворцов, выступив против «культы института авторства» и даже предложив создать журнал для анонимной публикации стихов («Знамя», 2012, № 4). В 2016-м в Челябинске уже вышла целая увесистая поэтическая «Антология анонимных текстов»...

То, что звучало когда-то провокационным, успело за десятилетие стать почти общим местом, отлиться в антологии и премиальные списки. Стать реальностью, и как всякая реальность, не слишком веселой.

Отсюда и сложность внятного разговора не просто о предполагаемом «поэте десятилетия», но вообще о поэте, о поэтическом имени. Что мы и видим в поэтической критике. Рецензии на сборники стихов пишутся, и возможно, не меньше, чем прежде. А вот рецензий, в которых было бы не только о книге, но и об авторе, его месте в современной поэзии, стало меньше однозначно. И уже почти исчезающий жанр — критические статьи о поэте.

Остро написал недавно о состоянии поэтической критики Игорь Караулов³. Превратилась в инструмент внутрицехового обслуживания. За пределами нашего мега-ЛИТО ее не слышат.

¹ Единственное имя, прозвучавшее и там, и там — Дмитрий Быков. Его в опросе назвал, как «второе имя» Кирилл Анкудинов. Но дальше, точно спохватившись, говорил только о «первом имени» — Олеге Юрьеве.

² Вежлян Е. Поэзия и списки // Сайт «Литература». № 169. Октябрь 2020 г. (http://litteratura.org/issue_criticism/4044-evgeniya-vezhlyan-poeziya-i-spiski.html).

³ Караулов И. Критика поэзии как фабрика знамений // Сайт «Современная литература». 22 сентября 2020 г. (<https://sovlit.ru/tpost/4jrsks26c8-kritika-poezii-kak-fabrika-znamenii?fbclid=IwAR2LgybG93Ra9RuF2B-btgYaEsXwqZXI7wKWV2-K8trr1HQJtjSFznxqKNAY>).

«Литературный критик, каким он должен быть, — это не обслуживающий персонал литературных групп, а мыслитель и публицист. Ему неинтересно говорить с цехом о проблемах цеха. Ему интересно говорить с обществом о проблемах общества, используя художественные тексты как лабораторный материал — пример, иллюстрацию или модель. Как меняется общество, как эти изменения отражаются в литературе, какие можно сделать прогнозы, если положиться на провидческий дар поэтов...»

Поэтическая критика, действительно, разъехалась между бойким репортажем и нудноватым литературоведением. Место золотой середины — между журналистикой и филологией — опустело; отдельные попытки снова обжить его заметны, но редки.

Но причина, думаю, не в том, что критикам неинтересно «говорить с обществом о проблемах общества, используя художественные тексты». Интересно. Только вот что в данном случае понимать под обществом?

Это советское общество было относительно гомогенным. Общество «десятых» крайне фрагментировано, если не сказать — атомизировано. И ментальная самоизоляция в нем началась задолго до нынешнего поветрия; уже с конца девяностых все стало распадаться на разные эфемерные сообщества и временные «летучие соединения», образуемые индивидами-атомами.

С кем в такой ситуации должен вести беседу критик?

«...Серьезные СМИ, — завершает свою статью Караулов, — рассчитанные на общество в целом, за редкими исключениями не желают видеть на своих страницах или экранах ни размышления о современной поэзии, ни те стихи, которых эти размышления касаются. Эта ситуация исправима, но сам критико-поэтический цех, вероятно, не очень хотел бы её исправления. Ведь в этом случае в центре внимания, чего доброго, оказались бы совсем другие, непривычные имена».

И опять — имена. Больная тема. Только ведь «другие имена» и так давно уже в центре внимания — ставлю мысленную гиперссылку на те «топы», о которых писал выше. Что же до «серьезных СМИ, рассчитанных на общество в целом» (интересно, кто это?), то поэтическую критику и несерьезные печатать не станут. Ни с какими выкладками, использующими «провидческий дар поэтов». Даже если весь «критико-поэтический цех» дружно и страстно этого захочет.

Как шутили в восьмидесятые: мечта советского человека — работать, как у нас, а получать, как у них.

Мечта современного российского литератора (особенно заставшего советские времена) — быть свободным, как сейчас, а получать общественное внимание, как тогда. Эту мечту, собственно, и озвучил в своей статье Караулов.

«Эта ситуация исправима...» Да, она исправима, но иначе, чем это кажется автору.

Общество, повторюсь, дефрагментировано; и будет оставаться таковым при отсутствии серьезных угроз, реальных или предполагаемых. Чтобы всё это снова «сбилось» в нечто относительно единое, что-то должно его «шлепнуть». Тогда, как в известном мультфильме, оно «станет фиолетовым». Или белым, или красным, или даже коричневым; приобретет некое единообразие. Пока ничего не шлепнуло, атомизация будет возрастать. А вместе с ней — и «деавторизация» поэзии.

И еще. 2010-е стали десятилетием колоссального информационного перепроизводства. Появление в конце 2000-х айфонов и их быстрое распространение превратило информацию во что-то совершенно все-присутствующее и все-заполняющее, как кислород. И кислорода этого оказалось настолько много, что общественное сознание погрузилось в своего рода гипероксию, с легкой тошнотой и сонливостью.

И существование в этом новом, перенасыщенном информацией, воздухе оказалось плохо совместимым с привычным литературным дыханием, писательским, и что более важно — читательским. Оно, как и при гипероксии, стало учащенным.

Единственный род литературы, пригодный для такого дыхания, стал пост в соцсетях — в прозе и «пирожки-порошки» — в стихотворстве. Покороче, поживее, поанонимней — поскольку «танцуют все».

Возникает что-то близкое к средневековой полу-анонимности литературного творчества. С той разницей, что средневековая культура, по известному определению А.Я.Гуревича, была культурой «безмолвствующего большинства», а нынешняя — большинства, ни на секунду не закрывающего рта.

Все 2010-е прошли в попытках серьезной литературы как-то адаптироваться к этим новым условиям — еще более сложным для нее, чем «борьба за воздух» и информационная гипоксия советских десятилетий. Остается надеяться, что эта адаптация будет сопряжена для литературы (и, прежде всего, поэзии) не только с потерями. Что откроются какие-то внутренние ресурсы. Будет ли это связано с новым пониманием авторства, его возрождением в новой форме? Посмотрим.

Ольга Брейнингер

Большие надежды

Ровно два года назад, в конце 2018-го мы готовили запуск проекта «Блог-пост», и я написала для «Дружбы народов» свою первую колонку, которую назвала «Охота на блогеров».

В своей первоначальной версии «Блог-пост» был адресован толстожурнальному и профессиональному литературному сообществу. К тому времени слово «блогер» было на слуху скорее в негативном смысле. Оно все чаще и чаще встречалось в постах на фейсбуке, в разъяренных комментариях, в спорах о профессиональных читателях и любителях. В этих обсуждениях блогеры представлялись неким демонизированным персонажем, определяющей чертой которого была любительщина: блогер не читает, блогер просто фотографируется с книгами. Блогер — это деструктивный персонаж, культурный враг, который, к сожалению, транслирует ложные ценности на все стремительнее и стремительнее растущую аудиторию.

В ответ на эти споры главный тезис «Охоты на блогеров» звучал — как тогда казалось — довольно провокационно: «Блогеры пришли в литературу. Официально и, похоже, без права возврата».

В конце 2020 года очевидно, что предсказание сбылось. За два года, что существовал «Блог-пост», случилось многое. Блогеры осознали себя как сообщество, постепенно установившее негласные внутренние правила и принципы *modus vivendi*. Как часто бывает свойственно процессам формирования сообществ, рост блогерского комьюнити во многом опирался на противодействие, антагонизм с «Другим», чтобы лучше понять себя. 2019 год в особенности был годом «блогерских войн», о чем сейчас легко писать с улыбкой — но в свое время было тяжело дышать, наблюдая за борьбой с отдельными издателями, за борьбой с миром профессиональных критиков, за «круглыми столами» толстых журналов, где блогерам отказывали в праве быть частью литературного поля.

Колонку «Блог-пост» успели полюбить и возненавидеть, раскритиковать и похвалить, а ее изначальные цели и аудитория со временем сильно расширились. «Блог-пост» превратился в место встречи двух разных литературных миров: мира большой литературы, во многом еще сфокусированного на печатном слове, и цифрового мира, хлынувшего в нашу жизнь варварским потоком «свежей крови», приносящей обновление. «Литературным экспертам и блогерам есть что дать друг другу, и есть чему друг у друга научиться», — еще один тезис из той первой колонки. Чтобы это перекрестное опыление состоялось, появилась премия «Блог-пост», прошла конференция «Литературная инклюзивность: критики, блогеры и толстые журналы». «Дружба народов» открыла свои двери для блогеров — публиковавших в журнале и рецензии, и прозу, и специальные материалы — интервью, обзорные статьи, аналитические тексты, — посвященные феномену блогерства. За второй год

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2020 ГОД

Авторы (№№ 1–12)

- АБДУЛЛАЕВ Евгений (I, II, III, IV, VI, VII, VIII, X, XII)
АЗНАУРЯН Ованес (V)
АЙЛИСЛИ Акрам (XI)
АКСЁНОВА Ася (VII)
АЛЕКСАНДРОВ Николай (IV)
АЛЁХИН Евгений (XI)
АМЕЛИН Максим (V)
АМЧИСЛАВСКИЙ Александр (XI)
АНАСТАСЬЕВ Николай (IX)
АННИНСКИЙ Лев (I)
АНУФРИЕВА Мария (II, V, VII, X)
АРТИС Дмитрий (IV, VI, X, XI, XII)
АСИМ Заир (X)
АФЛАТУНИ Сухбат (I, X)
АХМЕДОВ Магомед (V)
- БАБИН Александр (I)
БАК Дмитрий (V)
БАКАТОВ Сергей (VII)
БАЛЛА Ольга (I, II, III, V, VII, IX, XI)
БАРАНОВА Евгения Джен (VI)
БАРСКОВА Полина (XI)
БАХНОВ Леонид (VII)
БЕРШИН Ефим (III)
БИРМАН Дмитрий (III)
БОГАТЫРЁВА Ирина (I, III, XI)
БОЯШОВ Илья (II, V)
БРЕЙНИНГЕР Ольга (I, IV, XII)
БУГОСЛАВСКАЯ Ольга (IV, VI, XI)
БУЛКАТЫ Игорь (X)
БУНИМОВИЧ Евгений (V)
БУРОВ Алексей (I, VIII)
БУШКОВСКИЙ Александр (V, XI)
- ВАЖОВА Марина (IV)
ВАРДАНЯН Анна (X)
ВАРЛАМОВ Алексей (XI)
ВАСИЛЬЕВ Андрей (II)
ВАСИЛЬЕВ Сергей (VII)
ВАТУТИНА Мария (VI)
ВЕТРОВ Борис (XI)
ВИНТИЛА Анастасия (VII)
ВЛАСОВ Герман (VI)
ВОЛОС Андрей (VII)
ВОЛОСЮК Иван (XI)
- ГАВРИЛОВ Степан (I)
ГАЗИЗОВ Ринат (VI)
- ГАЛГУТ Катерина (VIII)
ГАЛЬПЕР Александр (IX)
ГАММЕР Ефим (V)
ГАТИНА Алина (II)
ГЕЛАСИМОВ Андрей (XI)
ГЕЛОВАНИ Мирза (V)
ГИГОЛАШВИЛИ Михаил (V)
ГИГОЛАШВИЛИ Михаил (X)
ГОЛУБОВИЧ Ксения (VII)
ГРИГОРЕНКО Александр (IV, V)
ГРИНЕВСКИЙ Александр (VII)
ГРИЦМАН Андрей (I, XII)
ГУГОЛЕВ Юлий (XI)
ГУЛЯЕВА Ольга (IV)
ГУМЫРКИНА Ирина (IX)
ГУНДАРИН Михаил (X)
ГУРЕЕВ Максим (IX, XI)
- ДЕВШ Ольга (X)
ДЕДКОВ Игорь (I)
ДЕКИНА Женья (VII)
ДЕЛАЛАНД Надя (II, XI)
ДМИТРИЕВ Андрей (III)
ДОЛГОПЯТ Елена (I, VII)
ДРАГУНСКАЯ Ксения (IV, XI)
- ЕВСЮКОВ Александр (XII)
ЕРМАКОВ Олег (V, IX, XI)
ЕРМОЛИН Евгений (II)
ЕРМОЛОВИЧ Елена (VI)
ЕСИПОВ Виктор (VII)
- ЖУКОВА Алёна (III)
- ЗАЙНУЛЛИНА Галина (XII)
ЗАКРУЧЕНКО Мария (II)
ЗАНАДВОРОВ Владислав (V)
ЗАХАРОВ Дмитрий (XI)
ЗАХАРОВ Сергей (II)
ЗВЕРЕВ Антон (XI)
ЗЕЛЬДИН Сергей (V)
ЗЕМСКОВ Михаил (VII)
ЗОРИН Иван (V)
ЗУБАРЕВА Вера (IV)
ЗУЛЬФИКАРОВ Тимур (X)
- ИВАНОВ Алексей В. (VIII)
ИВАНОВ Алексей Г. (XII)
ИВАНОВ Андрей (XII)

- ИВАНОВА Ольга (IV)
ИВАНТЕР Алексей (X)
ИВАНУШКИНА Полина (IV)
ИГРУНОВА Наталья (I, VII, XI)
ИДИАТУЛЛИН Шамиль (X)
ИЗОТОВА Наталья (IX)
ИЛИЧЕВСКИЙ Александр (XI)
- КАБАНОВ Александр (IX)
КАГРАМАНОВ Юрий (II, IX)
КАНАБЕЕВ Герман (I)
КАПОВИЧ Катя (V)
КАРАЙЧЕВА Мария (VIII)
КАСЬКО Игорь (X)
КАЦОВ Геннадий (V, VIII)
КЕНЖЕЕВ Бахыт (V, XI)
КИРНОС Александр (IX)
КЛИМОВА Галина (III, VII)
КЛИМОВСКИ Керен (V)
КНЯЗЕВ Григорий (II)
КОБРИН Кирилл (IX)
КОЛЕСНИК Любовь (V)
КОЛЕСНИКОВ Алексей (II, VII)
КОМАРОВ Константин (II, IV, XI)
КОНОВАЛОВ Евгений (II)
КОРИОНОВ Олег (VI, VII)
КОРНИЕНКО Игорь (IV, VII)
КОРОВИН Андрей (XII)
КОРОЛЁВ Анатолий (X)
КОСТАРЕВА Ирина (XI)
КОСТРОВ Владимир (V)
КОЧЕРГИН Илья (VII)
КОШЕЛЕВ Павел (I)
КОШЕНБЕК Глаша (VII)
КРАЕВА Ирина (XII)
КРУСАНОВ Павел (I)
КРУТОВА Валерия (IV, XI)
КРУШИНСКАЯ Ксения (XII)
КУДИМОВА Марина (I, XI)
КУЗНЕЦОВ Игорь (IV)
КУПРИЯНОВ Борис (V)
КУРАЕВ Михаил (V, VIII, XI)
КУРБАТОВ Валентин (III)
КУРБАТОВ Кирилл (IV)
КУРМАНГАЛИНА Яна-Мария (VI)
КУТЕНКОВ Борис (X)
- ЛАПШИН ИЛЬЯ (V)
ЛАПШИНА Елена (I)
ЛЕБЕДЕВ Сергей (X)
ЛЕБЕДЕВА Мария (II)
ЛЕБЕДЕНКО Сергей (I)
ЛЕВИ Примо (V)
ЛЕВИНЗОН Леонид (VI)
- ЛЕЙБОВ Борис (II)
ЛИВИНСКИЙ Станислав (VIII)
ЛИДСКИЙ Владимир (V, VII)
ЛИМ Владимир (IX)
ЛУЖБИНА Анна (IX)
ЛЯСКОВСКАЯ Наталья (VII)
- МАКСЮТОВ Тимур (V)
МАКУШИНСКИЙ Алексей (II)
МАЛАШЕНКО Алексей (VIII)
МАЛЕНКОВ Александр (VII)
МАМЕДОВ Афанасий (XII)
МАРКИНА Анна (I, VI, XI)
МАРЧЕНКО Марк (VI)
МАТВЕЕВА Анна (IX)
МЕДВЕДЕВ Владимир (X, XI)
МЕЛИХОВ Александр (V)
МЕСЯЦ Вадим (VI)
МЕЩЕРЯКОВ Александр (V)
МИДЯНКА Петро (VI)
МИНАЕВ Борис (II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII)
МИФТАХОВА Олеся (VI)
МИХАЙЛОВА Мария (VI)
МУРАТОВ Сергей (XI)
МУРАТХАНОВ Вадим (II, X)
- НАЗАРЕНКО Евгений (VII)
НЕВОЛОШИН Макс (I, VII)
НЕКЛЯЕВ Владимир (V)
НЕКРАСОВА Евгения (VI)
НЕСТЕРИНА Елена (II)
НИГМАТУЛЛИН Тимур (IX)
НИКОЛАЕВА Олеся (II)
НИКОЛИН Анатолий (VI)
НОВИКОВ Артур (VII)
- О.КАМОВ (XII)
ОБУХ Арина (III)
ОДЕГОВ Илья (I, V, VIII)
ОРЛОВ Александр (V)
ОРЛОВ Даниэль (III)
ОРЛОВ Евгений (V)
ОРЫНЯНСКАЯ Полина (VII)
- ПАВЛОВ Олег (XII)
ПАВЛОВСКАЯ Анна (VI, XII)
ПАВЛЮК Игорь (X)
ПАГЫН Сергей (III, XII)
ПАИН Эмиль (IV)
ПАРДА Абдухамид (II)
ПЕРЕСЛЕГИН Сергей (V)
ПISKУНОВ Валерий (VI)
ПОГОДИНА-КУЗМИНА Ольга (VI, XI)

ПОДЛУБНОВА Юлия (IV)	СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга (VI, XI)
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай (XI)	
ПОДПОРЕНКО Юрий (II)	ТАНЦЫРЕВ Андрей (II)
ПОЛЕТАЕВА Татьяна (IV)	ТАРАЯН Карен (XI)
ПОЛИЩУК Рада (IX)	ТАРН Алекс (VIII)
ПОЛЯНСКАЯ Екатерина (X)	ТАТАРЕНКО Юрий (X)
ПОЛЯРИНОВ Алексей (I)	ТВЕРДИСЛОВА Елена (XII)
ПОПОВ Сергей (VI)	ТИМОФЕЕВСКИЙ Александр (III)
ПРАШКЕВИЧ Геннадий (V, VIII)	ТИШКОВ Леонид (XI)
ПРУДНИКОВ Сергей (VIII)	ТОРК Алексей (V)
ПТИЦЕВА Ольга (VI)	ТОРЧИЛИН Владимир (I)
ПУСТОВАЯ Валерия (I, VIII)	
	УЛЬЯНКИНА Евгения (VIII)
РАЗМЫСЛОВ Ананий (V)	УСЫСКИН Лев (X)
РАЙЦ Дмитрий (IV)	УШМАЕВА Анна (X)
РАПОПОРТ Наталья (X, XII)	
РАСПУТИН Валентин (III)	ФАЛИКОВ Илья (IV)
РАХМЕТОВ Аман (IX)	ФАУСТОВ Михаил (V)
РОМАНОВ Александр (V)	ФРАЙ Макс (XII)
РУБАНОВ Роман (VI, XI)	ФРАНЦЕВ Александр (XI)
РУБАШКИН Дмитрий (XI)	
РУМЕР-ЗАРАЕВ Михаил (IV, V, VI)	ХАИРОВ Адель (I)
РУМЯНЦЕВ Дмитрий (IV)	ХАНОВ Булат (II, VI)
РУСАКОВА Виктория (IX)	ХЛЕБНИКОВ Олег (VII)
РЯЖСКИЙ Григорий (VIII)	
	ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий (XI)
САГОЯН Анаит (II)	ЦХУРБАЕВ Алан (XI)
САДОВСКИЙ Владимир (XII)	
САДУЛАЕВ Герман (V)	ЧАНЦЕВ Александр (II, VII)
САЛИМОН Владимир (I)	ЧЕМЯКИН Евгений (IX)
САЛОМАТИН Алексей (I)	ЧЕРДАКОВ Алексей (VII)
САЛЬНИКОВ Алексей (XI)	ЧЕРНЫШОВА Евгения (VII)
САМСОНОВ Сергей (III, V)	ЧИГИР Виктор (X)
САФРОНОВА Елена (II, IV)	ЧКОНИЯ Даниил (VI)
СВАНИДЗЕ Гурам (VII)	
СВЕТЛИЧНАЯ Диана (VI)	ШАКИРОВ Ален (X)
СЕВРЮГИНА Елена (XII)	ШАПОВАЛОВ Вячеслав (VI)
СЕМЁШКИНА Яна (II)	ШЕВАРОВ Геннадий (IX)
СЕНЧИН Роман (III)	ШЕВАРОВ Дмитрий (V, VIII)
СЕРЕБРЯНСКИЙ Юрий (VII)	ШЕВЧЕНКО Ганна (XI)
СИД Игорь (III)	ШИШКОВА-ШИПУНОВА Светлана (VI)
СИКОРСКАЯ Надежда (X)	ШПАКОВ Владимир (XI)
СИНИЦЫНА Людмила (III)	ШТОЛЬЦ Кирилл (VI)
СЛАВНИКОВА Ольга (XI)	ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН Елена (V)
СМИРНОВ Владимир (XI)	ШУЛЬГИН Николай (X)
СНЕГИРЁВ Александр (II, V)	
СОЛОГУБ Евгений (IV, X)	ЭБАНОИДЗЕ Александр (X)
СОЛОНОВИЧ Евгений (V, VIII)	
СТАХОВ Дмитрий (V)	ЯВЛЮХИНА Наталья (XI)
СТЕПАНОВА Александра (VI)	ЯНЫШЕВ Санджар (X)
СТОЛПОВСКАЯ Ольга (V)	

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«**Фаланстер**» (Малый Гнездииковский пер., 12/27)

«**Бункер**» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин **Лабиринт.ру**
в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ

И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

1/2021

Читайте:

Илья Бояшов. Роман «Морос, или Путешествие к озеру»:

«— Как вы думаете, дон Рамон, в чем истинная причина того, что в Бореаль до сих пор не совались ни мы, ни парагвайцы? Непроходимая сельва? Дикие звери? Болота? Разумеется, нет. Наши солдаты забирались в такие уголки Кордильер, где выживают разве что лишайники. Но территорию в центре Чако даже гуарани испокон веку обходят стороной. Искать озеро заставляет крайняя нужда. — Морос?»

— Именно, попали в самую точку. Черт подери, в двадцатом веке, в Южной Америке, по соседству с электричеством и машинами — суцая Полинезия!.. Трудно поверить, что государства, у которых есть танки и аэропланы, страшатся каннибалов, однако же, дон Рамон, с этим приходится считаться...»

Алекс Тарн. Рассказ «Томик в мягкой обложке»:

«...Мусоровоз тронулся с места, и тут же, устрашающе скрежеща, пришел в движение ковш. Пакеты лопнули; в лицо Юрию Андреевичу плеснуло омерзительной гнилью. Надвинулась стальная плита, прессуя содержимое камеры в единый неразделимый мусорный ком. Вокруг пыхтела гидравлика, скрипели книжные переплеты, страницы сминались в липкую бумажную массу; бесследно исчезая, мелькнула страшно расчлененная фигура Войницкого, а следом — все шалости фей, все дела чародеев, все елки на свете, все сны детворы, весь трепет затепленных свечек...»